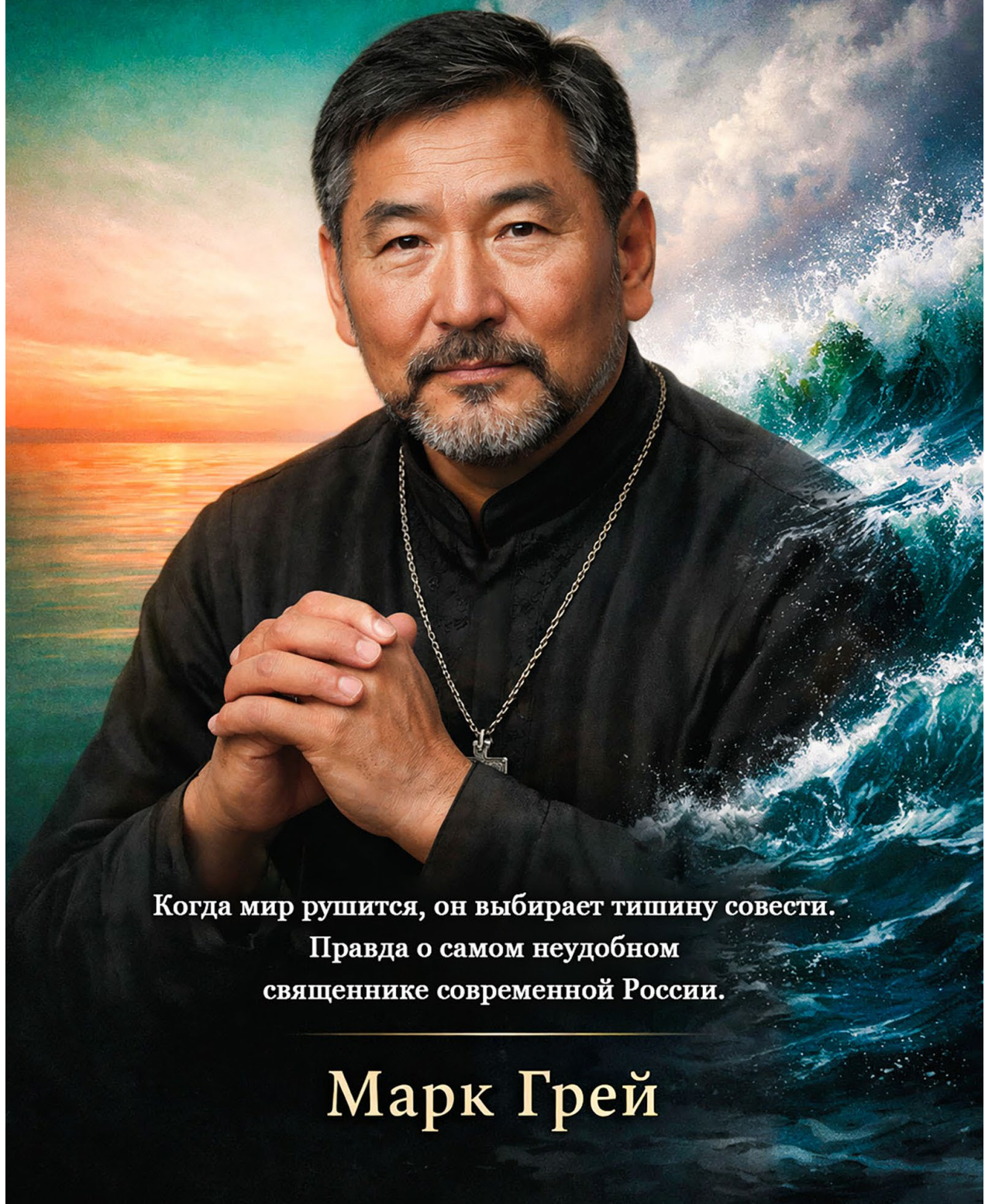

СОЗЕРЦАНИЕ

Тихая революция Анатолия Гармаева

Когда мир рушится, он выбирает тишину совести.

Правда о самом неудобном
священнике современной России.

Марк Грей

СОЗЕРЦАНИЕ:

Тихая революция Анатолия Гармаева

Марк Грей

Оглавление

Глава 1. Человек, который учил взрослых

Глава 2. Взгляд на авторские книги Анатолия Гармаева

Глава 3. Анализ периода критики отца Анатолия Гармаева в контексте российского антикультизма

Глава 4. Последние годы отца Анатолия: смерть, наследие, открытые вопросы и живые отклики

Источники

В 1948 году в бескрайних просторах Бурятии, где небо встречается с землей в немом диалоге вечности, начался жизненный путь человека, которому суждено было стать духовным навигатором для тысяч заблудших душ. Сначала был путь познания — биологический факультет МГУ, аспирантура, глубокое погружение в тайны живой природы. Молодой ученый всматривался в микроскоп, пытаясь уловить закономерности роста и увядания, не подозревая, что вскоре объектом его наблюдений станет самая сложная субстанция во Вселенной — человеческая душа.

Смена ролей происходила не внезапно, но органично: в двадцать шесть лет он вошел в школьный класс, чтобы не просто преподавать предмет, но учить жизни. Тишина библиотечных сводов Московской Духовной Академии, затем лаборатория нравственной психологии и педагогики Академии наук СССР стали следующим этапом, где научный метод соединился с поиском этических абсолютов. Здесь рождались смыслы, которые позже лягут в основу его книг. В 1993 году произошло главное преображение: педагог и ученый принял священный сан.

Жизнь человека редко напоминает ровную, залитую солнцем просеку, но в судьбе отца Анатолия Гармаева эта дорога превратилась в узкую тропу над обрывом, где каждый шаг давался вопреки ледяному ветру непонимания. Невозможно и, пожалуй, было бы нечестно писать о нём, обходя молчанием периоды, когда долгие годы проходили в попытках недоброжелателей затмить его свет. Истинный масштаб личности измеряется не только высотой достижений, но и глубиной тех рвов, что копали у него под ногами.

Мы не вправе закрывать глаза на годы гонений, на хлесткие, как удары бича, обвинения в «ересях» и «сектантстве», на холодные залы трибуналов и бездушные телевизионные эфиры, где его имя пытались превратить в клеймо. Эта горечь — неотъемлемая часть его чаши. Без рассказа о том, как трудно было стоять в полный рост под градом незаслуженных упреков, мы никогда не поймем истинной цены его кротости. Его судили по букве, по цитатам, вырванным из пастырского диалога, по сухим схемам, в которые никак не желала укладываться тайна человеческой души.

Пока в высоких кабинетах и на конференциях чеканились приговоры, в тишине Сергиевского училища происходило нечто, не подвластное никаким экспертизам. Там отогревались замерзшие сердца. Там распадающиеся семьи находили путь друг к другу. Там люди, доведенные до края собственной немощью, вдруг обретали опору в

слове, которое не обличало, а исцеляло. Истина его пути запечатлена не в официальных отчетах, а в спасенных судьбах, в тихих слезах покаяния и в той особенной радости, которую порой даже невозможно передать словами.

«Высота и одновременно глубина жизни достигается там, где каждое дыхание — движение импульса жизни.»

Из книги «Психопатический круг в семье» протоиерея Анатолия Гармаева.

Глава 1. Человек, который учил взрослых

Истоки его личности уходят корнями в 1948 год. Рожденный в бурятской семье, Анатолий Цыденович Гармаев с ранних лет впитал ту особую созерцательность, которая свойственна народам, живущим в гармонии с суровой и величественной природой. Однако его пытливый ум требовал не просто созерцания, а понимания механизмов жизни. Это привело его на биологический факультет МГУ, в самую гущу советской научной элиты, где торжествовал материализм, подкрепленный мощной экспериментальной базой. Именно здесь закладывался фундамент того, что позже назовут методом Гармаева. Для молодого аспиранта-биолога мир не был набором случайностей, он виделся ему строгой системой законов, где каждый лист на дереве и каждая клетка организма подчинены высшей целесообразности. Но чем глубже он погружался в микромир, тем отчетливее осознавал, что за физиологическими процессами скрывается нечто большее, не поддающееся препарированию скальпелем.

Педагогическое призвание проявилось в нем как естественное продолжение исследовательской работы. Став заместителем директора по воспитательной работе и по совместительству учителем биологии, молодой Гармаев не просто транслировал знания из учебников, он превратил свои уроки в пространство свободы, которое пугало советскую администрацию. В возрасте двадцати шести лет он решился на радикальный шаг — ввел в шестом классе систему обучения без отметок. Его логика

была безупречна с точки зрения естествоиспытателя: страх перед двойкой подавляет живой интерес, а значит, искажает результаты «эксперимента» по познанию мира. Он создал Клуб юных ботаников и зоологов (КЮБиЗ), уводя детей из душных классов в многодневные походы. Там, у костров и на лесных тропах, он впервые начал практиковать то, что позже станет его главной темой — наблюдение за тем, как внешние обстоятельства проявляют скрытые качества личности.

Его неоднократные увольнения и конфликты с руководством школ были неизбежны, ведь он строил отношения с учениками не на субординации, а на общей страсти к истине, что в условиях жесткой идеологии выглядело как опасное вольнодумство. Система не терпела тех, кто видел в ученике прежде всего личность. Постепенный переход от биологии к психологии и затем к вере совершался через глубочайший интерес к структуре человеческого общения.

В 1977 году на экраны советского телевидения в рамках цикла «Ребячьи комиссары» вышла документальная лента Самария Зеликина «Гармаев и другие». Для эпохи позднего застоя, когда школьная жизнь была жестко регламентирована ритуалами линеек и единообразием программ, этот фильм стал не просто портретом незаурядного педагога, а настоящим тектоническим сдвигом в понимании того, чем может и должна быть школа.

В центре повествования находился Анатолий Гармаев — молодой, открытый учитель биологии. Конфликт фильма выстраивался не на внешних эффектах, а на глубинном, почти экзистенциальном противостоянии «живого» и «мертвого». С одной стороны — Гармаев, который проводил с учениками все свободное время, организовывал сложнейшие экспедиции на Мологу, Байкал и Кольский полуостров, жертвуя отпусками и личным покоем. Его педагогика строилась на доверии, на общем деле, на ответственности за живое существо. В Клубе юных ботаников и зоологов дети не просто зубрили параграфы, они создали уникальный «живой уголок», ставший для многих из них вторым домом, местом, где формировалась личность.

Это была педагогика сотворчества, где учитель не возвышался над учеником, а шел рядом. С другой стороны, выступала холодная мощь школьной бюрократии. Самарий Зеликин виртуозно реконструировал атмосферу этого противостояния: в кадре то и дело возникали официальные бумаги, начинавшиеся с сухих формулировок «Администрация доводит до вашего сведения...», а сам директор школы наотрез

отказался от участия в съемках, превратившись в некоего незримого, но всевластного антагониста. В этой системе энтузиазм Гармаева воспринимался не как дар, а как угроза.

Личность учителя, способная увлечь за собой, обладающая авторитетом, не санкционированным сверху, разрушала монополию системы на влияние. Драматизм ситуации достиг пика непосредственно во время съемок: пока съемочная группа фиксировала жизнь клуба, администрация школы приняла решение об увольнении Гармаева и ликвидации его «живого уголка». Дети, рыдающие над клетками с животными, которых буквально выбрасывали на улицу, стали самым сильным и страшным образом фильма. Это было прямое столкновение живой жизни с бездушным механизмом, который предпочитал стерильную пустоту коридоров любым формам неконтролируемой активности.

История показа фильма сама по себе превратилась в остросюжетный детектив. Несмотря на то что анонс картины уже был опубликован в программе передач, показ попытались отменить в последний момент под давлением Академии педагогических наук СССР и партийных чиновников. Лишь благодаря заступничеству влиятельных журналистов и широкому резонансу внутри профессионального сообщества фильм таки вышел в эфир. Он был показан лишь единожды, но этот единственный вечер стал событием национального масштаба. Последовали жалобы в ЦК КПСС, публикации рецензий были приостановлены, а повторные показы запрещены на долгие годы. «Гармаев и другие» остался в истории как документ великого педагогического мужества и одновременно как свидетельство того, насколько опасным для советской системы был человек, решившийся видеть в ребенке не объект воспитания, а живую душу.

К концу 80-х годов траектория педагогического поиска Анатолия Гармаева претерпела значительную трансформацию. Если в 70-е его борьба велась за «живую биологию» и право на искренность в рамках светской школы, то в преддверии крушения советской империи его искания вышли в плоскость духовную. Экология природы закономерно привела его к вопросам экологии души. В период, когда страна готовилась к празднованию 1000-летия Крещения Руси в 1988 году, а идеологические оковы начали слабеть, Гармаев пришел к православному осмыслению воспитания.

Центральным и наиболее болезненным эпизодом этого периода стала организация семейного лагеря, который по своей сути уже был прототипом будущих православных общин. В этом лагере педагогика не отделялась от жизни, а жизнь — от вечных нравственных заповедей. Однако именно здесь произошло событие, ставшее формальным поводом для окончательной расправы системы над неудобным учителем. Во время одной из проверок, инициированных по доносу «бдительных граждан», проверяющие обнаружили у детей нательные крестики. Реакция системы в 1988–1989 годах, несмотря на объявленную перестройку и гласность, оставалась инерционно-жесткой.

Для чиновников от образования «духовность» и открытое исповедание веры в стенах педагогического учреждения все еще приравнивались к должностному преступлению. Лагерь был немедленно закрыт, а против Гармаева развернулась кампания, поражающая своим цинизмом. Для его увольнения была выбрана статья 254 КЗоТ РСФСР — «за совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы». Использование этой статьи было высшим проявлением бюрократического абсурда. Традиционно ее применяли в случаях пьянства, насилия или грубого нарушения этических норм. Приравнивание ношения крестиков и разговоров о Боге к «аморальному поведению» обнажало истинное лицо атеистической политики того времени: нравственность признавалась лишь в том случае, если она была санкционирована партийным билетом.

Все, что выходило за рамки материалистического канона, клеймилось как мракобесие и деструктивное влияние на неокрепшие умы. В ходе «доследования», как это называлось в официальных бумагах, педагогу ставили в вину создание религиозной атмосферы, которая якобы подавляла волю детей. Система, десятилетиями подавлявшая личность идеологическим прессом, теперь обвиняла в «насилии над сознанием» человека, предложившего детям путь веры. Это увольнение стало финальной точкой в отношениях Гармаева с государственной школьной системой. Однако попытка уничтожить его как педагога привела к обратному результату.

Лишившись возможности работать в рамках официальных структур, он полностью ушел в создание альтернативной, православной педагогической среды. Трагедия его увольнения по статье за аморальность стала символом заката эпохи государственного атеизма, когда старые репрессивные механизмы еще работали, но

уже не могли остановить начавшееся духовное возрождение. Прошло совсем немного времени, и те, кто подписывал приказы об увольнении за «крестики», сами стали свидетелями того, как религия из категории «аморального» вернулась в центр общественной и образовательной жизни страны.

В непростые для людей годы, когда доверительные разговоры о религии были немыслимы, Гармаев нашел уникальную нишу — семейную педагогику и нравственную психологию. В период открытия нового десятилетия он стал руководителем первых в СССР трехгодичных очных курсов по православной церковной педагогике и культуре, созданных при Отделе религиозного образования и катехизации Московского Патриархата. Его лекции для родителей о воспитании детей были на самом деле лекциями о спасении души, задрапированными в научную терминологию.

Он учил взрослых людей видеть в капризах ребенка не дефект поведения, а сигнал о духовном неблагополучии самой семьи. Это был период поиска, когда в его арсенале перемешивались научные данные, элементы восточной философии, которые он изучал с той же исследовательской жадностью, что и биологические виды. Этот «эзотерический» период позже станет поводом для критики со стороны ревнителей чистоты православия, однако для самого Гармаева это был необходимый этап «полевых» исследований в сумерках человеческого подсознания. Читая лекции родителям, он говорил о психологии и нравственности, но слушатели чувствовали: за этими словами стоит нечто большее. Его выступления становились той самой тропинкой, по которой люди из серой обыденности выходили к сияющим вершинам православной духовности.

Книги отца Анатолия — «Культура семейных отношений», «Этапы нравственного развития ребенка» — родились и были «записаны» в лагерях, на семинарах, в бесконечных диалогах с родителями. Он не теоретизировал — он фиксировал результаты огромного эксперимента по возвращению человека к самому себе. Как биолог, он знал: чтобы растение принесло плод, нужны условия. Как педагог, он создавал эти условия для взрослых людей, помогая им заново научиться чувствовать, сопереживать и брать ответственность.

Одной из малоизвестных и до конца не понятных страниц биографии остается неожиданный отъезд Анатолия Гармаева из Москвы. Начало девяностых годов в

московском церковном пространстве напоминало не столько академическую тишь, сколько гул работающего интеллектуального реактора. После десятилетий подполья и жесткого государственного контроля Русская Православная Церковь внезапно оказалась в ситуации, когда спрос на смыслы в сотни раз превышал возможности их производства. Ветхое здание в Козицком переулке, где разместился только что созданный Отдел религиозного образования и катехизации, стало эпицентром этой тектонической активности.

Здесь, под сводами старых московских палат, ковалась новая идентичность постсоветского православия. В коридорах отдела можно было встретить вчерашних физиков, филологов, диссидентов и возвращенцев из эмиграции. Возглавлял этот хаотичный, но невероятно живой процесс протоиерей Глеб Каледа — человек, чья собственная жизнь была воплощенным синтезом несовместимого. Именно здесь, в этом «реакторе», под его началом одновременно работали две фигуры, которым в будущем предстояло определить два диаметрально противоположных вектора развития церковной жизни на десятилетия вперед: Александр Дворкин и Анатолий Гармаев.

Александр Дворкин появился в Москве в декабре 1991 года как вестник иного мира. Историк-медиевист с американским образованием, ученик отца Иоанна Мейендорфа, он привез с собой западную академическую четкость и острое понимание информационных войн. Однако его первоначальные планы были связаны с преподаванием церковной истории. Судьбу Дворкина изменил один разговор с отцом Глебом. Каледа, обладавший уникальным чутьем на вызовы времени, буквально за руку привел молодого историка к теме сектоведения.

Так, из благословения Каледы выросла целая империя «борцов за чистоту веры», а сам Дворкин превратился в главного стража догматических границ, чей голос стал для многих голосом самой Церкви. В это же самое время, в тех же коридорах, трудился мирянин-педагог Анатолий Гармаев. Если Дворкин олицетворял «оборону», то Гармаев был воплощением «поиска». Он стоял у истоков первых Рождественских чтений, которые в те годы еще не превратились в официальный форум, а были живой площадкой для встречи церковных людей и светских учителей.

Гармаев пытался создать язык, на котором православие могло бы говорить с современным человеком, травмированным советским прошлым. Его «нравственная

психология» рождалась из попытки соединить святоотеческое наследие с педагогической практикой. И здесь отец Глеб Каледа вновь выступил в роли демиурга. Статья «Светлой памяти протоиерея Анатолия Гармаева» перечисляет Глеба Каледу среди значимых фигур, связанных с отцом Анатолием того периода. Странность этого исторического момента сегодня остается неразгаданной: один и тот же человек, практически в одно и то же время дает старт двум силам, которые через десять лет столкнутся в непримиримой, почти экзистенциальной борьбе.

Возможно, он сознательно давал старт совершенно разным людям, надеясь, что в их диалоге (или даже противостоянии) родится живое, а не догматически окостеневшее православие. Но история распорядилась иначе: диалог сменился трибуналом, а поиск — изоляцией. С одной стороны — жесткое, системное сектоведение, направленное на выявление врага и охрану периметра. С другой — мягкая, психологизированная педагогика, стремящаяся к внутренней трансформации личности. Как в душе самого отца Глеба уживались эти два вектора? Ответ, возможно, кроется в его биографии, которая сама по себе была шедевром конспирации и духовной широты. Долгие годы Глеб Каледа вел двойную жизнь: выдающийся советский геолог, доктор наук, и в то же время — тайный священник, совершавший литургии в обычных московских квартирах. Эта «катакомбная» закалка научила его видеть поверх барьеров.

Позже, уже в открытом служении, он стал первым священником, вошедшим в камеры смертников Бутырской тюрьмы. Человек, видевший глаза людей за пять минут до расстрела, обладал той мерой сострадания и интеллектуальной свободы, которая позволяла ему ценить искренность поиска выше буквы канона. Он понимал, что Церкви нужны и стражи, и пахари, и те, кто будет копать глубокие колодцы в пустыне человеческой психологии. Однако на некоторые вопросы всё же остается меньше ответов, чем необходимо для полного понимания произошедших в те времена событий.

Несмотря на всё, в 1993 году Анатолий Гармаев, обладавший широкими возможностями стать ведущим идеологом церковного образования, принял решение уехать из Москвы. Что послужило причиной? Возможно, ответ кроется в эпизоде статьи «Исповедь тюремного священника» (Правмир):

«В Церковь я пришел через моего крестного, Анатолия Гармаева, будущего священника (сейчас он уже протоиерей) [...] Крестный мой в то время был учителем биологии. Он

проводил занятия, которые назывались «скрытые резервы человеческого общения». Его гоняли по Москве, он в каком-нибудь микрорайоне проводил занятия, пока его не раскусывали и там. До него добирались органы и запрещали. Тогда уходил он в другое место.

Так он по Москве и скитался. Мы, его ученики, за ним ходили то там, то там. А он завуалированно, эзоповым языком, преподавал нам христианские понятия.

Он нас тогда воспитывал. Я и сейчас продолжаю дружить с некоторыми его учениками. Мы терялись, потом опять находились».

Путём своей духовной и житейской дороги Анатолий Гармаев приблизился к порогу церкви, уже в роли священнослужителя. Там, в волгоградских степях, он начинает строить закрытое поселение, духовное училище, реализуя свою концепцию «нравственной психологии» уже не в теории, а в социальной практике. В то десятилетие, когда общественный хаос и экономическая нестабильность выбивали почву из-под ног, целое поколение молодых людей оказалось в ситуации мучительного ценностного вакуума. Именно тогда на духовной карте страны яркой точкой вспыхнул Волгоград. Этот город, привыкший к монументальному величию и суровому индустриальному ритму, внезапно стал местом паломничества для юношей и девушек со всех концов России — от балтийских берегов до сибирской тайги. Их влекла сюда не жажда наживы или карьерного роста, а слух о необычном священнике и созданной им системе воспитания, которая обещала не просто религиозные знания, но полное преображение личности. В самом сердце этого движения стоял протоиерей Анатолий Гармаев.

Волгоградская земля стала его новой родиной, а «Отрада» — делом всей жизни. Люди бросали институты, оставляли привычный круг общения и ехали в Кировский район города, где на окраине, вдали от суеты центральных проспектов, рождалось нечто, получившее название православного поселения «Отрада». Это название — «Отрада» — звучало для многих как обетование покоя и обретения смысла в мире, который, казалось, окончательно утратил гармонию. Центром притяжения и интеллектуальным штабом этого процесса стала Волгоградская епархиальная школа имени Святого Сергия Радонежского, или Свято-Сергиевское училище. Здесь, под руководством отца Анатолия, ковалась особая форма жизни, которую современники часто называли попыткой реконструкции общинного быта первых христиан.

Атмосфера в «Отраде» была пропитана ощущением первозданной чистоты и строгости. Это не было обычное учебное заведение с лекциями и зачетами в привычном понимании. Жизнь здесь текла единым, неразрывным потоком, где молитва, учеба и физический труд не разделялись на отдельные категории, а составляли целостную ткань бытия. Утро начиналось задолго до рассвета с общего молитвенного правила, после которого наступало время «трудничества» — работы в поле, на стройке или в пекарне. Эта физическая нагрузка мыслилась как необходимый инструмент очищения души от эгоизма, как способ стяжания смирения через пот и мозоли. Метафора «общинной жизни первых христиан» в стенах школы Гармаева реализовывалась через глубокое, почти монастырское послушание и отказ от индивидуалистических притязаний.

Каждый студент чувствовал себя частью огромного организма, где личное благо всегда было подчинено общему спасению. В этом была и своя эстетика: скромные одежды, простые трапезы, совершаемые в тишине под чтение житий святых, и бесконечные беседы с наставником, затягивавшиеся до глубокой ночи. Такое существование требовало колоссального напряжения воли, но именно это напряжение и давало молодым людям ощущение подлинности, которого им так не хватало в «миру». Здесь учили видеть в каждом ближнем не конкурента, а «родную душу», требующую любви и заботы, что превращало училище в подобие одной большой, многодетной семьи.

Голосом этой общины, транслировавшим её идеи далеко за пределы Волгограда, стал журнал «Вестник церковной педагогики». В эпоху, когда православная периодика только начинала свой путь и часто ограничивалась узким кругом прихожан, «Вестник» поражал своим масштабом и охватом. Тираж в десять тысяч экземпляров был феноменальным для специализированного церковного издания. Журнал не просто информировал о жизни школы, он выполнял миссию глобального просвещения, пытаясь перекинуть мост между академической педагогикой и духовным опытом Церкви. Структура издания была тщательно продумана и отражала основные направления философии отца Анатолия.

Разделы семейной, коррективной и практической педагогики предлагали читателю не сухие инструкции, а живой опыт преодоления кризисов. Семейная педагогика в журнале рассматривалась как фундамент спасения общества. Авторы утверждали, что воспитание человека начинается задолго до его рождения, фактически — с

момента осознанного отношения супругов друг к другу и к самому факту зачатия. Это была революционная для того времени попытка осмыслить деторождение как сакральный акт, требующий от родителей духовной чистоты и ответственности. Коррективная педагогика, в свою очередь, обращалась к тем, кто уже столкнулся с деформациями в отношениях — к «трудным» подросткам, к семьям на грани развода, к людям, запутавшимся в собственных страстях. Здесь идеи Гармаева приобретали терапевтический характер, предлагая путь исцеления через покаяние и изменение нравственного климата внутри дома. Практический же раздел давал конкретные инструменты: как организовать день ребенка, как привить ему любовь к труду и молитве, как сохранить мир в семье среди повседневных забот.

Философским стержнем всей деятельности отца Анатолия стала концепция «нравственной психологии». Будучи уже на тот момент глубоким знатоком человеческой души, он понимал, что обычная светская психология часто лишь скользит по поверхности, пытаясь адаптировать человека к его греховному состоянию. Сам отец Анатолий был не просто администратором или редактором, он был живым центром этой сложной и многогранной общины. Личность главного редактора и наставника определяла всё — от тона статей в «Вестнике» до распорядка дня в «Отраде».

Высокий, с пронизательным взглядом человека, привыкшего смотреть вглубь, он обладал редким даром слова, которое могло быть и ласковым, и беспощадно строгим. Для студентов он был непререкаемым авторитетом, духовным отцом, который брал на себя ответственность за их нравственное становление. В его подходе не было места теплостудности; он требовал от своих последователей полной самоотдачи, веря, что только через «крайние» усилия можно достичь подлинного преображения. Его система была попыткой ответить на вызовы времени, когда традиционная педагогика оказалась бессильна перед лицом духовного кризиса. Он предложил путь, где воспитание мыслилось не как передача набора знаний, а как непрерывный процесс созидания «нового человека» во Христе.

И хотя сегодня эпоха тех яростных поисков конца девяностых ушла в историю, идеи нравственной психологии и опыт общинного жития продолжают резонировать в сердцах тех, кто ищет гармонию между профессиональным знанием и верой, между земным трудом и небесным призванием. Его служение стало яркой страницей в летописи русского православия, напомнив всем нам, что истинная педагогика всегда

начинается с исцеления собственного сердца. Метод Гармаева заключался в поразительном умении объяснять заоблачные духовные истины через приземленные бытовые примеры. Разговор о Божественной благодати он мог начать с примера того, как муж и жена делят немытую посуду или как родитель, реагирует на каприз ребенка. В этих мелочах он видел поле главной битвы — битвы человека со своим самолюбием. Он обладал редким даром «рентгеновского» зрения: на исповеди или в личной беседе он часто указывал на корень проблемы там, где человек видел лишь верхушки. Его схемы помогали людям увидеть структуру собственного падения и, что важнее, план выхода из него. Он не давал абстрактных утешений, он предлагал инструменты — упражнения по самонаблюдению, правила внимания, методы преодоления гнева.

«Согласитесь друг с другом. При этом сохраните рассудительность, в рассудительности — воздержание, в воздержании — терпение.»

Из книги «Психопатический круг в семье» Анатолия Гармаева.

Нравственная психология протоиерея Анатолия Гармаева рождалась в гуще человеческих судеб. Для автора семья никогда не была просто юридической ячейкой или социальным институтом; он рассматривал её как сложнейшую живую систему, обладающую собственной динамикой, памятью и душой. В этой системе каждый участник неразрывно связан с остальными невидимыми нитями реакций, ожиданий и эмоциональных откликов. Основной методологический сдвиг в деятельности отца Анатолия произошел в момент осознания того, что сухая лекционная форма подачи материала бессильна перед лицом устоявшихся привычек человеческого сердца.

Он заметил, что слушатели могут годами посещать курсы, соглашаться с высокими истинами, но, возвращаясь домой, действовать по прежним, разрушительным сценариям. Это и побудило его перевести преподавание в формат живых семинаров и практических занятий. Материал перестал быть просто суммой знаний; он стал оформляться через непосредственную практику самонаблюдения. Гармаев настаивал, что истинное изменение начинается не с понимания «как надо», а с честного видения того, «как есть на самом деле». Его семинары превращались в

уникальные встречи, где семьи учились заново видеть друг друга, минуя фильтры накопленных обид и взаимных претензий.

Центральной темой его исследований стала проблема ответственности внутри семейных конфликтов. В рамках нравственной психологии конфликт рассматривается не как досадная помеха, а как симптом болезни всей системы, требующий не просто «сглаживания», но глубокого духовного осмысления. Автор подчеркивал, что ответственность — это не вина, которую мы привыкли перекладывать друг на друга, а способность и готовность человека осознавать последствия своих эмоциональных движений.

В этом контексте воспитание детей предстает не как набор педагогических приемов, а как процесс развития совестливости в противовес эго-удовлетворенности. Для Гармаева этапы развития ребенка — это последовательное обретение им способности слышать голос совести, который зачастую заглушается инстинктами самосохранения и требованиями «эго». Он утверждал, что если воспитание направлено лишь на комфорт и внешнюю успешность ребенка, то оно питает его эгоизм, создавая личность, неспособную к глубоким отношениям в будущем. Напротив, приобщение к труду, ответственности и вниманию к нуждам другого формирует тот нравственный стержень, который отец Анатолий называл истинной человечностью. Этот переход от «хочу» к «должен по любви» и составляет суть его педагогического метода.

Глава 2. Взгляд на авторские книги Анатолия Гармаева

За годы своего служения протоиерей Анатолий Гармаев написал множество книг, ставших для широкой аудитории настольными. Приступая к изучению его наследия, хочется отметить, что в этом контексте нет задачи провести детальный библиографический разбор каждого его текста; стоит цель сосредоточиться на самой сути его учения, чтобы через призму наиболее острых и глубоких размышлений еще

больше раскрыть личность самого автора. Путь отца Анатолия — это путь от наблюдения за миром живой природы к созерцанию Живого Бога в человеке.

«Психопатические отношения возникают, в основном, по душевной немоги людей, когда Душевные Силы неразвиты, подавлены, нераскрыты, помрачены. В таком случае у человека нет возможности стерпеть, смолчать, не хватает сил прощать, тем более просто любить другого».

Из пролога книги «Психопатический круг в семье» Анатолия Гармаева.

Книга «Психопатический круг в семье» является, пожалуй, наиболее пронзительным и довольно точным трудом автора. В ней он вводит понятие, ставшее фундаментом его анализа семейных деструкций. Психопатический круг — это самоподдерживающийся механизм взаимодействия, в котором один член семьи провоцирует другого на болезненную реакцию, что, в свою очередь, вызывает ответную агрессию или уход, замыкая этот круг.

Гармаев приводит шокирующую, но основанную на многолетних наблюдениях статистику: в той или иной форме этот круг охватывает от 70 до 100% современных семей. Автор разделяет этот феномен на две основные формы: явную и скрытую. Явная форма проявляется в открытых скандалах, криках и физической агрессии. Скрытая же форма гораздо коварнее: это «холодная война», выражающаяся в демонстративном молчании, поджатых губах, колких замечаниях или подчеркнутым безразличии. Как отмечает автор в книге, именно скрытая форма зачастую является более разрушительной для душевного здоровья детей, так как они не могут идентифицировать источник напряжения, но постоянно ощущают его гнет.

Механика этого круга описывается Гармаевым как потеря субъектности. Человек перестает быть хозяином своих реакций; он становится лишь звеном в цепи автоматизмов. Один «вспыхнул», другой «обиделся», третий «спрятался». В этой системе нет места для свободы и любви, так как все участники заняты защитой собственного уязвленного «я». Автор детально анализирует, как в этот круг вовлекаются дети. Ребенок, вырастая в атмосфере постоянного эмоционального шантажа или скрытой враждебности родителей, усваивает эти модели как

единственно возможные способы взаимодействия с миром. Особое внимание Гармаев уделяет тому, что выход из психопатического круга невозможен через попытку «исправить другого». Это самая распространенная ошибка, которая лишь подливает масла в огонь.

Единственный путь к исцелению системы — это решимость одного из её участников прервать цепь автоматических реакций в самом себе. В книге подчеркивается, что осознание своего участия в этом круге является первым и самым болезненным шагом к свободе. Нравственная психология здесь смыкается с аскетикой: человек призван увидеть свою страстную привязанность к собственной правоте и отказаться от неё ради спасения живой связи с близким. Гармаев показывает, что психопатический круг — это не приговор, а вызов. Это область, где должна совершиться работа духа.

Анализируя многочисленные примеры из своей практики, он демонстрирует, как изменение внутренней дистанции одного человека по отношению к конфликту способно изменить всю атмосферу в доме. Однако это требует колоссального мужества — признать, что «враг» находится не напротив тебя за обеденным столом, а внутри твоего собственного привычного способа реагировать.

«Как можно молчать, когда так хочется наговорить неприятностей? Молчать не только внешне, но и внутренне. Что это значит? Это значит быть свободным от этого «хочется наговорить». Как же тогда быть? Значит ли это, что молчание подобно тишине пустыни, тишине пустой комнаты. Нет.

Молчание — непрекращающаяся беседа с Богом. Либо с Совестью.»

Из книги «Психопатический круг в семье» Анатолия Гармаева.

Если «Психопатический круг» дает нам возможность распознавания, изучения себя, то, к примеру, книга «Культура семейных отношений» предлагает терапию и методологию восстановления разрушенных связей. Здесь автор переходит от анализа к созиданию нормы. Культура отношений для Гармаева — это не этикет и не внешнее приличие, а глубокая внутренняя дисциплина внимания и уважения к иному бытию

другого человека. Одним из ключевых практических инструментов, предложенных в этой работе, является знаменитое упражнение «10-секундная пауза».

В книге «Культура семейных отношений» описывает его как жизненно необходимый заслон на пути эмоционального обвала. Суть упражнения проста и одновременно невероятно сложна в исполнении: в момент, когда в ответ на слова или действие близкого человека внутри закипает раздражение, гнев или желание немедленно оправдаться, необходимо взять паузу в десять секунд. Эти десять секунд — не просто молчание. Это время, необходимое для того, чтобы «эго» перестало диктовать свои условия, и включилось сознание. За это краткое время человек должен успеть задать себе вопрос: «Что сейчас происходит со мной? Что я хочу защитить — свою гордыню или наши отношения?» Гармаев утверждает, что именно в эти мгновения совершается подлинный нравственный выбор.

Пауза разрывает автоматизм реакции и дает возможность ответить не из состояния аффекта, а из состояния любви и рассудительности. Развивая тему культуры, автор подробно останавливается на искусстве слушания. Он отмечает, что в большинстве семей люди не слушают друг друга, а лишь ждут своей очереди высказаться. Нравственная психология предлагает иной подход: слушание как акт самопожертвования. Встать на место другого, попытаться почувствовать его боль или тревогу, стоящую за, возможно, резкими словами — в этом и заключается подлинная культура отношений. Гармаев подчеркивает, что без развития этой способности никакие психологические техники не дадут долгосрочного эффекта.

Важнейшей частью книги является анализ понятия «уклад семьи». Отец Анатолий рассматривает уклад как внешнюю форму, которая дисциплинирует и поддерживает внутреннее содержание. Сюда входят совместные трапезы, распределение обязанностей, семейные праздники и, конечно, общая молитва. Однако он предостерегает от формализма: уклад должен служить человеку, а не человек укладу. Главная цель любой семейной структуры — создать пространство, в котором каждый член семьи чувствовал бы себя в безопасности и имел бы возможность для нравственного роста.

В завершение своего анализа в «Культуре семейных отношений», Гармаев возвращается к мысли о том, что семья — это школа самоотречения. Он неустанно повторяет, что счастье в браке не является самоцелью; оно приходит как побочный

продукт правильного отношения к другому. Культура отношений — это путь постоянного бодрствования над своим сердцем, путь, требующий терпения и бесконечного прощения. Автор призывает читателя смотреть на семейную жизнь не как на источник удовольствий, а как на священное поприще, где через преодоление собственного эгоизма человек обретает истинную полноту бытия.

«Важно только помнить одно условие. Любой приём или правило теряет основную долю своей прорабатывающей силы, если он отрывается от своего содержания — главного смысла, ради чего он применяется».

Из книги «Культура семейных отношений» Анатолия Гармаева.

Он писал книги, которые больше походили на учебники по психологии со вкраплениями святоотеческой мудрости, чем на традиционную духовную литературу. Его серии «Нравственная психология и педагогика» стали настольными книгами для тысяч учителей и родителей по всей России. Он не искал признания в академических богословских кругах, его аудиторией всегда оставались те, кто искал практический выход из тупика семейных конфликтов и душевной пустоты. Его путь — это доказательство того, что между наукой и верой нет пропасти, если мостом служит честное и непредвзятое наблюдение за жизнью. В истории русской церкви конца двадцатого и начала двадцать первого века протоиерей Анатолий Гармаев останется фигурой безусловно масштабной. Его подход требует от человека предельной честности и готовности к труду.

Он не дает легких рецептов, но указывает направление движения — от слепого следования своим страстям и привычкам к осознанной жизни по совести. Семья как живая система в его понимании постоянно находится в движении: либо она деградирует в сторону взаимного использования и отчуждения, либо она восходит к единству через преодоление эгоцентризма. Сдвиг от лекций к живой практике семинаров в его деятельности был обусловлен именно желанием помочь людям совершить этот переход в реальности, а не только в воображении. Практические упражнения, такие как паузы и самонаблюдение, становятся теми инструментами, которые позволяют человеку вернуть себе контроль над своей душевной жизнью.

Воспитание детей в этой системе координат становится неразрывно связанным с самовоспитанием родителей.

Невозможно требовать совестливости от ребенка, если взрослые сами находятся в плену замкнутого круга собственных неотрефлексированных реакций. Таким образом, нравственная психология Гармаева — это призыв к целостности, где слово не расходится с делом, а вера проявляется в самом малом — в тоне голоса, в выражении глаз, в способности промолчать там, где хочется кричать, и поддержать там, где хочется осудить.

Этот глубокий, порой болезненный, но всегда направленный на исцеление взгляд автора делает его труды актуальными для каждого, кто ищет подлинности в отношениях. Через детальное исследование механизмов человеческого падения и способов духовного восстания, отец Анатолий открывает перед читателем путь к обретению той «отрады», того душевного мира, который возможен только там, где живет настоящая, деятельная любовь. Он учил взрослых тому, чему их забыли научить в детстве: как беречь живую душу, как строить мир в семье и как каждый день, шаг за шагом, совершать восхождение к человечности.

Единая характеристика работ Анатолия Гармаева кроется в последовательном поиске и восстановлении «внутреннего человека». Все его произведения пронизаны стремлением возродить дореволюционные традиции российского воспитания, где педагогика была неотделима от духовного делания. Гармаев постулирует, что психологическое здоровье личности напрямую зависит от ее нравственного состояния. Он вводит понятие нравственной психологии как дисциплины, изучающей законы движения души к добру или уклонения во зло. Общим знаменателем его книг является практическое руководство по духовному возрастанию, где каждый шаг обоснован как с точки зрения христианской аскетики, так и с позиции возрастной и социальной психологии.

Это не просто литература для чтения, а методология исцеления жизненного уклада через осознанное изменение ценностных ориентиров. Фундаментальным трудом в библиографии автора является книга «Обрести себя». В этой работе Гармаев ставит перед читателем предельно честный вопрос о подлинности человеческого существования. Автор анализирует, как под давлением социальных ролей,

стереотипов и внутренних страхов человек постепенно теряет свою уникальную, Богом данную идентичность.

Книга предлагает путь деконструкции ложных «я» и возвращения к истокам собственной личности. Гармаев подчеркивает, что самопознание без нравственного критерия превращается в самолюбование, поэтому процесс «обретения себя» он неразрывно связывает с покаянием и осознанием своей ответственности перед Творцом и ближними. Это исследование служит отправной точкой для любого, кто решился на серьезную внутреннюю работу. Продолжением этой темы в контексте церковной жизни выступает практическое руководство «Пути и ошибки новоначальных».

Эта книга стала ответом на насущную потребность людей, входящих в церковную ограду, избежать типичных ловушек неопитства. Гармаев с исключительной психологической зоркостью описывает состояния ложного благочестия, внешнего обрядоверия и опасности «духовной прелести», когда психологические комплексы маскируются под смирение или ревность о вере. Значимость этого труда заключается в его отрезвляющем эффекте: автор призывает не к внешнему копированию форм благочестия, а к глубокой внутренней трансформации. Он объясняет, как не превратить веру в инструмент подавления окружающих или способ бегства от реальности, направляя энергию новоначального на созидательную работу над своим характером.

Педагогический аспект нравственной психологии наиболее полно раскрыт в книге «Этапы нравственного развития ребенка». Здесь Гармаев выступает как глубокий теоретик и практик воспитания, предлагая стройную систему формирования личности с первых лет жизни. Он акцентирует внимание на том, что нравственность не внушается словами, а передается через уклад семьи и личный пример родителей. Каждому возрасту соответствует свой «нравственный узел», который должен быть развязан правильно для гармоничного перехода на следующую ступень. Автор предостерегает от преждевременного интеллектуального развития в ущерб эмоционально-нравственному созреванию.

Эта работа важна тем, что она возвращает родителям понимание их роли как духовных наставников, ответственных за сохранение целомудрия и совести ребенка в агрессивной информационной среде. Особое место в наследии Гармаева занимает

труд «Тихий разговор с совестью», представляющий собой глубокую этическую рефлексию. В этой книге автор обращается к самому сокровенному «органу» человеческой души, который зачастую оказывается заглушен шумом повседневности. Гармаев анализирует феномен совести не как социальный конструкт, а как голос Божий в человеке. Он исследует механизмы самооправдания, которые позволяют нам сосуществовать с грехом, и предлагает методы восстановления чувствительности совести. Книга побуждает к внутреннему диалогу, помогая распознать тонкие движения гордыни и тщеславия.

Это своего рода пособие по гигиене души, где акцент смещен с внешних оценок на внутреннюю правоту перед вечностью. Подводя аналитический итог, можно констатировать, что труды Анатолия Гармаева вызывают живой и неослабевающий интерес именно благодаря своей предельной практичности. В эпоху дефицита смыслов и размытости моральных норм он предлагает твердую почву, основанную на многовековом опыте Церкви и адаптированную к современному психологическому контексту. Главная миссия его творчества заключается в исцелении души через осознанное нравственное поведение.

Гармаев убедительно доказывает, что психологические проблемы часто являются симптомами более глубокого духовного недуга — разрыва с собственной совестью и Богом. Его книги не просто информируют, они инициируют процесс внутренней трансформации, заставляя читателя пересмотреть свои отношения с миром, семьей и самим собой. Психологическая глубина автора в сочетании с пастырской заботой позволяет ему достигать до тех, кто ищет в православии не только утешения, но и реальных изменений качества своей жизни. В конечном счете, все его наследие направлено на то, чтобы человек перестал быть рабом своих привычек и обстоятельств, обретя свободу быть собой — существом нравственным, ответственным и способным к подлинной любви. Это путь трудный, но, по Гармаеву, единственный, ведущий к истинной жизненности и спасению.

Глава 3. Анализ периода критики отца Анатолия Гармаева в контексте российского антикультизма

Период девяностых годов в истории постсоветской России представлял собой уникальный хронотоп, характеризующийся состоянием тотальной аномии и стремительного распада прежних ценностных иерархий. В условиях идеологического коллапса и глубокого духовного вакуума российское общество оказалось в ситуации дезориентации, когда традиционные институты социализации, и прежде всего семья, столкнулись с беспрецедентным кризисом. Именно в этом контексте фигура Анатолия Гармаева стала не просто заметным явлением внутрицерковной жизни, но и ответом на запрос времени, предлагая синтез православной аскетики и современной психопедагогики.

Гармаев предложил концепцию нравственной педагогики, которая была призвана исцелить разрушенные семейные связи и восстановить преемственность поколений. Его деятельность, начавшаяся еще в подпольных кружках восьмидесятых годов под эгидой Семейного объединения, в девяностые годы вышла на официальный уровень, получив признание в ряде епархий и начав сотрудничать с Синодальным отделом катехизации. Однако именно этот успех и специфический инструментарий его метода стали почвой для возникновения одного из самых масштабных конфликтов в новейшей истории Русской Православной Церкви.

Социокультурный ландшафт того времени диктовал свои правила, когда массовое сознание, утомленное материализмом, жаждало не столько сухих догматов, сколько практических руководств к жизни. Традиционное пастырство зачастую оказывалось не готовым к работе с психологически травмированным населением, и Гармаев заполнил эту нишу, предложив методику, ориентированную на исправление внутрисемейных проблем. Его термин "психопатический круг" стал ключевым для понимания того, как в постсоветской семье воспроизводятся деструктивные сценарии поведения.

Для тысяч людей, пришедших в Церковь в те годы, Гармаев стал воплощением нового типа пастыря — пастыря-педагога, способного говорить на языке психологии, не теряя при этом связи с преданием. Однако именно эта пограничность его учения — на стыке психологии и популярной психологии, педагогики и аскетики — создала предпосылки для подозрений в неортодоксальности. Ситуация осложнялась тем, что в девяностые годы страна была наводнена новыми религиозными движениями, что сделало церковное руководство и околоцерковную общественность крайне чувствительными к любым инновациям, выходящим за рамки привычного обрядового благочестия.

Переломным моментом в истории критики Анатолия Гармаева стал 1998 год, ознаменованный выходом труда Александра Щипкова «Во что верит Россия». Эта книга, задуманная как социологический и религиоведческий обзор религиозных процессов в постперестроечной России, содержала краткую, но программную характеристику деятельности Гармаева. На страницах своего исследования Щипков фактически легитимизировал термин «внутриправославное сектантство» применительно к общине Гармаева.

Приводя некоторые факты биографии протоиерея, Щипков подчеркивал его естественнонаучный бэкграунд как учителя биологии и химии, что в глазах традиционалистов могло выглядеть как попытка рационализации таинственной жизни Церкви. Автор подробно разбирал структуру созданного Гармаевым Семейного объединения, указывая на жесткую дисциплину, иерархичность и специфические практики. Именно здесь была заложена мина замедленного действия: социологическое наблюдение за формой жизни общины было немедленно отождествлено с вероучительным заблуждением.

Для Щипкова и тех, кто подхватил его тезисы, внешняя дисциплина общины стала доказательством её неправославия, хотя история Церкви знает множество примеров жестких монашеских или мирянских уставов, которые никогда не считались сектантскими. Особое внимание автор уделял обвинениям в использовании так называемых буддийских методик, хотя Щипков проявлял осторожность, предполагая, что подобные слухи могут быть спровоцированы бурятским происхождением Гармаева, сам факт фиксации этих подозрений в авторитетном издании придал им статус доказанных отклонений.

Щипков зафиксировал фундаментальное противоречие: с одной стороны, Гармаев пользовался поддержкой части епископата и занимался катехизацией, с другой — внутри его групп формировалась закрытая среда с признаками «культа личности лидера». Оценка, данная Щипковым, была религиоведческим заключением, которое не вписывался в стандартные лекала приходской жизни. Однако именно фиксация этих моментов — закрытости, специфической терминологии — послужила тем концептуальным фундаментом, на котором позже была выстроена антикультовая кампания по дискредитации Гармаева.

Щипков первым указал на то, что движение его является не просто педагогическим экспериментом, а формирующейся субкультурой внутри Церкви, которая потенциально может войти в клинч с официальной структурой. В его тексте прочитывалась тревога перед лицом неконтролируемого процесса. Таким образом, рукопись 1998 года стала детонатором, переведшим обсуждение деятельности Гармаева из плоскости педагогических дискуссий в плоскость борьбы за «чистоту» православия.

Следующий этап трансформации критики связан с фигурой Александра Дворкина и деятельностью Центра святого Иринея Лионского. Да, да, того самого Дворкина, с которым еще некоторое время назад Гармаеву приходилось ходить по одним и тем же коридорам в Москве. Если Щипков выступал как внешний наблюдатель, фиксирующий процессы, то Дворкин перевел ситуацию в режим активного противодействия. Он подхватил тезисы Щипкова, но радикально изменил их контекст и эмоциональный накал. Для Дворкина Гармаев перестал быть интересным объектом социологического наблюдения и превратился в опасную угрозу.

Используя инструментарий западного антикультизма, Дворкин начал примерять к нравственной педагогике лекала тоталитарных сект. Те факты, которые Щипков приводил как особенности дисциплинарного уклада — например, пищевые ограничения или авторитет духовника, — в интерпретации Дворкина стали доказательствами техник контроля сознания. Произошла характерная для того времени деформация аналитического подхода: вместо диалога или педагогической экспертизы был применен метод сектоведческого клеймения. Роль Дворкина в этом процессе невозможно переоценить, так как он обладал ресурсами для медийного и административного продвижения своих идей.

Тезисы о внутрицерковном сектантстве, впервые озвученные Щипковым в академической манере, в устах Дворкина приобрели характер алармистских лозунгов. Именно Дворкин перевел дискуссию в плоскость борьбы с психокультами, утверждая, что Гармаев использует псевдонаучную терминологию для маскировки оккультных практик. Эта смена дискурса была крайне эффективной в атмосфере конца девяностых, когда страх перед сектами был одним из главных факторов церковной и общественной жизни.

В интерпретации антикультистов нравственная психология Гармаева предстала как деструктивная технология, разрушающая личность под видом ее духовного совершенствования. Важно понимать, что Дворкин не просто критиковал отдельные положения учения Гармаева, он ставил под сомнение саму легитимность его присутствия в церковном пространстве, используя удобные «факты» из книги Щипкова как неопровержимые улики. Эта трансформация критики из религиоведческой в антисектантскую имела далеко идущие последствия. Она создала прецедент, когда авторская педагогическая система, одобренная правящим архиереем и имеющая многолетнюю историю успешной работы с неблагополучными семьями, могла быть в одночасье демонизирована через медийные каналы.

В этом столкновении проявился глубинный конфликт между живым, зачастую эклектичным пастырским поиском и стремлением к жесткой унификации церковной жизни. Гармаев с его сложной антропологией, акцентом на психопатологических механизмах и родовой памяти, оказался слишком сложен для упрощенных схем антисектантской борьбы. Критики, ведомые Дворкиным, игнорировали педагогические результаты и реальную помощь, которую получали люди в центрах Гармаева, фокусируясь исключительно на внешних атрибутах, которые можно было интерпретировать как сектантские. Таким образом, к началу двухтысячных годов вокруг имени Анатолия Гармаева сложилась ситуация идеального шторма: социологическая фиксация Щипкова дала интеллектуальное обоснование, а пассионарность Дворкина превратила это обоснование в инструмент административного давления и общественной травли.

Особое внимание стоит уделить тому, как в критике Дворкина произошла подмена понятий. Психологическая терминология Гармаева, которая была попыткой перевести святоотеческий опыт на язык, понятный современному человеку, была объявлена оккультным новоязом. Методы групповой работы, необходимые для

коррекции семейных отношений, были маркированы как психотехники контроля. В этой логике любая община, имеющая чуть более высокую степень сплоченности и дисциплины, чем обычный приход, попадала под подозрение в сектантстве.

Это привело к тому, что дискуссия о методах воспитания и границах психологии в пастырстве была подменена следствием по делу о создании деструктивного культа. Исследовательский текст о критике Гармаева, таким образом, превращается в анализ механизмов формирования исключения внутри самой церковной ограды, где объектом атаки становится попытка глубокого антропологического поиска в эпоху духовного и социального кризиса. Ситуация усугублялась тем, что в девяностые годы отсутствовали четкие критерии разграничения пастырской заботы и психологического манипулирования, что позволяло критикам произвольно трактовать любые действия Гармаева.

Щипков в своей книге 1998 года заложил базу, указав на пограничность явления, но именно Дворкин превратил эту пограничность в доказательство вины. Важно подчеркнуть, что фундамент травли строился на избирательном прочтении фактов. Из огромного корпуса текстов и многолетней практики Гармаева вычленились лишь те элементы, которые подтверждали заранее оформленную «концепцию сектантства». В конечном итоге, критика Анатолия Гармаева в конце девяностых годов стала зеркалом процессов, происходящих в самой Русской Православной Церкви. Это было время борьбы между миссионерской открытостью, предполагающей поиск новых форм языка и работы с людьми, и охранительным фундаментализмом, видящим в любой новизне угрозу преданию.

Переход от девяностых к началу двухтысячных годов ознаменовался не только укреплением институционального влияния Церкви, но и окончательным формированием внутренних механизмов дисциплинарного контроля, где антисектантская риторика стала универсальным инструментом борьбы с любыми формами несанкционированной пастырской инициативы. Если в предыдущее десятилетие критика Гармаева носила скорее спорадический характер, то на заре нового века она трансформировалась в системную кампанию, целью которой была полная делегитимация его педагогической системы.

Этот процесс сопровождался расширением области атаки: к сугубо богословским претензиям добавились обвинения психологического и административного толка, а

круг критиков пополнился новыми клириками и экспертами, чьи слова имели вес не только в церковной ограде. Напряженной временной точкой этого процесса стали Первые Иринеевские чтения, прошедшие 5 сентября 2003 года под эгидой Центра религиоведческих исследований во главе с Александром Дворкиным.

Это событие по своей сути и методологии проведения напоминало не столько научную конференцию или пастырский семинар, сколько трибунал, где приговор был вынесен еще до начала слушаний. Именно здесь термин внутрицерковная секта был официально закреплен как окончательный диагноз, превращая педагогический поиск в каноническое преступление. Методология Первых Иринеевских чтений заслуживает особого внимания как образец герменевтики подозрения, характерной для радикального антикультизма того времени. Организаторы мероприятия полностью исключили возможность диалога, превратив чтения в серию обличительных монологов.

Такой подход демонстрировал глубокий кризис соборности, когда вместо братского обсуждения сложных вопросов пастырской практики был избран путь публичного клеймения. Экспертная группа, собранная Дворкиным, отличалась подчеркнутой предвзятостью: каждый доклад был направлен на то, чтобы вписать деятельность Гармаева в заранее заготовленные лекала деструктивного культа. Созидательный аспект педагогики Гармаева сознательно выносился за скобки, а всё внимание фокусировалось на специфических формах дисциплины и терминах, которые при желании легко интерпретировались как признаки психологического насилия. Ключевым интеллектуальным звеном в этой кампании стала позиция Михаила Першина, который попытался придать обвинениям наукообразную форму, используя инструментарий западных теорий контроля сознания.

В своих выступлениях и статьях Першин последовательно доказывал, что система Гармаева — это не православная педагогика, а тщательно замаскированная технология реформирования мышления. Используя такие понятия, как разрыв социальных связей, эмоциональный шантаж и информационный контроль, он фактически переносил модели, разработанные для анализа религиозных течений вроде Аум Синрикё или Церкви Объединения, на внутриправославный контекст. Подобная экстраполяция выглядела крайне сомнительно с точки зрения методологии, так как полностью игнорировала традиционный аскетический

контекст православия, где послушание и отсечение воли всегда занимали центральное место.

Однако в атмосфере антисектантской истерии аргументы Першина воспринимались как неопровержимые доказательства. Он утверждал, что Гармаев создает параллельную иерархию, где личная преданность наставнику подменяет собой церковную полноту, а психологический комфорт группы становится важнее личного спасения. Эта риторика была направлена на то, чтобы вызвать у священноначалия страх перед потерей административного контроля, превращая педагогический конфликт в политический. Не менее значимым в формировании масштабной критики стало участие таких пастырей, как Дмитрий Смирнов.

В свою очередь, Дмитрий Смирнов, известный своим прямолинейным и зачастую резким стилем, обрушился на Гармаева с позиций защиты традиционного приходского уклада. Для Смирнова любая форма закрытого объединения, претендующего на исключительность своего метода, была признаком болезни. В его глазах деятельность Гармаева выглядела как опасный эксперимент, разрушающий естественную органику церковной жизни. Совокупное влияние этих фигур создало мощное поле общественного неприятия, где любые попытки разобраться в сути системы Гармаева без предубеждения заранее объявлялись сочувствием сектантству.

Анализируя атмосферу Первых Иринеевских чтений, невозможно не заметить, как антисектантский дискурс начал поедать саму церковную традицию, на страже которой он якобы стоял. Избирательность такого правосудия позволила игнорировать многие противоречия высказываний. На чтениях 2003 года произошла окончательная подмена теологического анализа психологической экспертизой сомнительного качества. Вместо того чтобы обсуждать соответствие учения Гармаева святоотеческому преданию, участники занимались подсчетом признаков контроля сознания по чек-листам и популярным схемам, восходящим к Лифтону и Хассену.

Это свидетельствовало о глубокой секуляризации самого процесса внутрицерковного суда, где внешние социопсихологические маркеры стали важнее духовного содержания. Отсутствие защиты и возможности апелляции сделало эти чтения актом гражданской казни репутации священника, который на протяжении многих лет считался одним из самых авторитетных миссионеров. Феноменологический анализ

этой кампании позволяет выявить глубокую внутреннюю противоречивость антикультового движения, которая проявилась в эффекте зеркальности методов.

В деятельности антикультистских центров сформировалась специфическая среда с жестким контролем над интерпретацией церковного предания, где право на истину было монополизировано узкой группой экспертов. Эта структура демонстрировала все признаки закрытой системы: черно-белое мышление, в котором любая попытка нюансировки или защиты оппонента квалифицировалась как соучастие в ереси, и абсолютную нетерпимость к инакомыслию. Борьба за чистоту православия превратилась в технологию подавления пастырской инициативы, при которой сами обличители использовали методы психологического давления, медийной стигматизации и административного ресурса. Таким образом, антикультизм стал симметричным ответом мнимому сектантству, создав внутри Церкви атмосферу подозрительности, структурно идентичную той, в которой они обвиняли общины Гармаева.

Центральным интеллектуальным изъяном этой критики стала герменевтическая слепота, выразившаяся в систематической подмене понятий и принципиальном отказе от изучения наследия Гармаева по существу. Критики оперировали не реальными текстами или педагогическими результатами, а сконструированными ими же схемами. Традиционные методы православной педагогики, направленные на воспитание нравственной ответственности и осознание личной греховности, трактовались критиками исключительно как промывка мозгов и реформирование мышления. Эта терминологическая агрессия позволила антикультистам вывести деятельность Гармаева из поля богословской дискуссии в поле криминализованной психологии. При этом игнорировался тот факт, что Гармаев лишь пытался адаптировать святоотеческий опыт борьбы со страстями к сознанию современного человека, травмированного социальным и семейным распадом.

Использование западных теорий контроля сознания применительно к внутрицерковным практикам свидетельствовало о глубокой секуляризации сознания самих критиков, которые перестали видеть в церковной дисциплине духовный смысл, воспринимая ее лишь как инструмент манипуляции. Обвинения в манихействе и онтологическом дуализме стали общим местом в статьях Михаила Першина и других участников Иринеевских чтений, однако детальный анализ трудов Гармаева показывает полную несостоятельность этих претензий. Тексты Гармаева,

пронизанные цитатами из преподобных аввы Дорофея, Иоанна Лествичника и Никодима Святогорца, рассматривались критиками лишь как маскировка.

Такая позиция делала любую дискуссию невозможной: если автор ссылается на святых отцов — значит, он скрывает свою сектантскую суть; если использует современный язык — значит, он оккультист. Это была герменевтическая ловушка, в которой любой аргумент защиты заранее интерпретировался как доказательство вины. Игнорирование фундаментальной христоцентричности системы Гармаева и его верности каноническим структурам Церкви позволило создать миф о параллельном православии, не имеющий под собой фактических оснований в его вероучительных текстах.

Этический аспект антикультистской кампании представляет собой пример глубокой деградации пастырской этики под прикрытием борьбы за свободу личности. Антикультисты, декларируя свою заботу о достоинстве человека, на практике систематически разрушали достоинство и репутацию священника, отдавшего десятилетия служению Церкви. Применяя к Гармаеву презумпцию виновности, критики фактически лишали его человеческого лица, превращая в функцию сектантского лидера.

Эта кампания нанесла колоссальный ущерб не только конкретному клирику, но и самой возможности искреннего пастырского поиска внутри Церкви. Итоги этого периода для жизни Анатолия Гармаева и всей Русской Православной Церкви оказались трагичными по своим долгосрочным последствиям. Кампания 2003 года закрепила триумф административно-полицейского подхода над пастырским и педагогическим. Для Церкви это означало утрату живого опыта работы с семьей и молодежью, который в системе Гармаева был уникальным по своей глубине. Любая педагогическая или социальная инициатива внутри Церкви, если она не была санкционирована и полностью прозрачна для антисектантских (антикультовых) центров, оказывалась под угрозой ликвидации.

Когда в рамках Первых Иринеевских чтений прозвучали резкие обвинения в адрес протоиерея Анатолия Гармаева, следующей была волна критики и травли, которая вызвала бурную реакцию в обществе. Ссылка на пресс-релиз мгновенно распространилась по многочисленным форумам с поразительной скоростью. В такой ситуации Гармаеву пришлось публично отреагировать. Ответ отца Анатолия,

зафиксированный в его записях и публичных выступлениях, стал не просто апологией частного лица, но глубоким аналитическим разбором того, как рождается современная православная педагогика и с какими трудностями сталкивается миссионер, работающий на стыке психологии и аскетики.

В своем слове, исполненном достоинства и твердости, он не только ответил на каждый пункт обвинения, но и вскрыл методологическую слабость своих критиков, мягко указав на их нежелание видеть полноту его многолетнего служения. Главным аргументом, красной нитью проходящим через всю «защиту» Гармаева, стало указание на катастрофическую узость базы его оппонентов. Отец Анатолий с горечью отмечал, что «вся критика, прозвучавшая на Иринеевских чтениях, опирается на содержание лишь одной из всех его книг — «Психопатический круг в семье».

Для вдумчивого биографа этот момент является ключевым: критики фактически проигнорировали весь волгоградский период его деятельности, когда из-под пера священника вышли такие фундаментальные труды, как «От зачатия до рождения», «Пути и ошибки новоначальных», «Культура семейных отношений» и другие. Гармаев справедливо указывал на логическую ошибку своих судей: *«Все выводы делаются на основании одной книги, а распространяются, рождая при этом естественное недоумение, на все остальные “до кучи” и накладывают единозначимую оценку на всю протяженность моего жизненного служения».*

Такой подход превращал живой, развивающийся процесс духовного и педагогического поиска в застывшую догму, вырванную из контекста времени и обстоятельств. Чтобы понять происхождение того языка, который показался участникам чтений «подозрительным» или «окультиным», отец Анатолий призывает обратиться к истории создания его первых лекций. Большинство текстов, ставших мишенью для критики, были прочитаны им еще двадцать лет назад, в бытность его работы заместителем директора по воспитательной работе в обычной советской школе и педагогом-организатором микрорайона в Москве.

Это были годы жесткого идеологического контроля, когда открытая проповедь была невозможна. Гармаев вспоминает, что в те времена «цитировать Евангелие было невозможно». Будучи завучем в советском образовательном учреждении, он находился в ситуации, требующей поиска «обходных», педагогических путей для трансляции христианских истин. Ему приходилось говорить о вечных ценностях, не

используя сакральной терминологии, которая мгновенно вызвала бы репрессии со стороны государства.

Именно в этом «педагогическом подполье» и родился его уникальный язык. Вместо слова «страсти» он использовал термин «эго-влечения», вместо «добродетелей» говорил о «совести». Это не было созданием «тайного эзотерического учения», как утверждали на чтениях, но было актом миссионерской адаптации. Гармаев поясняет, что *нужно было как-то донести до людей представления о греховном и богодарованном человеке в нас. При том, что в сознании людей не было в то время таких слов, как “грех”, “страсти”, “страх Божий”, “жажда Бога”. Не было даже слов “Бог”, “благодать”. А слово “Церковь” пугало, рождало множество мрачных ассоциаций, связанных с потерей личной свободы, независимости.*

Он сознательно выбрал понятные современникам психологические категории — «эго», «эгоизм», «способности», — чтобы через них подвести человека к осознанию своей греховности и необходимости спасения. Его «триада эго» и «триада совести» были не оккультными формулами, а попыткой структурировать святоотеческое учение о душе в категориях, доступных советскому интеллигенту. Как показала практика, этот метод работал: сотни людей, начав с педагогических лекций о воспитании детей, в итоге приходили к воцерковлению, понимая, что за психологическими терминами стоит живая истина Христова.

Опровергая обвинения в «программировании» или «ритуалистике», отец Анатолий подчеркивает, что его выводы — это не плод кабинетных размышлений, а результат *напряженной работы с детьми и их семьями, которой он отдал более десяти лет своей жизни.* Каждое правило, будь то знаменитая десятисекундная пауза перед разговором с ребенком или призыв к молитве Иисусовой в момент семейного конфликта, было выверено тысячами консультаций. Его позиция тверда: он не изобретает новую веру, а лишь предлагает инструментарий для практического воплощения заповедей в повседневной семейной жизни.

В этом смысле он опирается на традицию, ссылаясь на труды святителя Феофана Затворника: *«соотношения между составами души человека принадлежат церковному учению».* Особое место в ответе Гармаева занимает апелляция к плодам его деятельности. Он задает риторический, но болезненный вопрос своим оппонентам: если бы он действительно уводил людей от Христа к себе, откуда бы

взялись те десятки священников, диаконов и игумений монастырей, которые вышли из его общины и учебных заведений? *«Если бы это было действительно так, тогда мои ученики не служили бы Христу... а таковых сегодня более сорока человек»*, — констатирует он. Его педагогическая система прошла проверку не только временем, но и авторитетом духовных наставников.

Гармаев упоминает, что на протяжении многих лет окормлялся у таких столпов православия, как отец Валериан Кречетов и отец Кирилл (Павлов). Трудно представить, чтобы такие опытные старцы в течение десятилетий не заметили в своем духовном чаде «адепта других сил». В заключительной части своего ответа отец Анатолий переходит от защиты к глубокому аналитическому сочувствию своим критикам. Он понимает, что их восприятие обусловлено страхом перед новым и непонятным, а также общим климатом борьбы с сектами, который в 90-е годы порой принимал формы «охоты на ведьм».

Он с горечью отмечает, что участники чтений превратили его книги в «мутную бесперспективность», игнорируя сотни благодарственных писем от простых родителей, чьи семьи были спасены благодаря его советам. Цитируя профессора Владимира Щелкачева, он находит опору в признании со стороны научной и верующей интеллигенции, которая видит в его книгах не оккультизм, а живой опыт обретения себя в Боге. Своими ответами Гармаев сознательно пошел на риск непонимания ради того, чтобы достучаться до сердец людей, стоящих на пороге Церкви. Он признает свои человеческие недостатки: *«Конечно, с особенностями характера, где-то, в немалой степени, в первые годы, самонадеянного, безапелляционного... О многом принесено покаяние»*.

Однако в вопросах верности Христу и Его Церкви он остается непоколебим. Его ответ на доклад Иринеевских чтений — это призыв к глубокому, а не поверхностному суждению, к чтению не цитат, вырванных из контекста, а всей жизни и всей совокупности трудов человека, посвятившего себя служению Богу через служение семье. Это текст о праве на поиск языка проповеди в беспросветные годы атеизма и о том, что истинные плоды духовного делания всегда выше любых теоретических обвинений.

Личная судьба отца Анатолия, вынужденного продолжать свою деятельность в условиях полуизоляции, стала символом поражения сложной, рефлексивной веры

перед лицом упрощенного и агрессивного идеологического активизма. Эта страница истории РПЦ остается напоминанием о том, как легко защита традиции может превратиться в ее разрушение, если критерием истины становится не любовь и соборность, а технологическая эффективность подавления инакомыслия. Данный конфликт показал, насколько уязвимой может быть авторская пастырская позиция перед лицом антикультового дискурса.

Период 2004–2005 годов в истории внутренней полемики Русской Православной Церкви ознаменован переходом от частных дискуссий к масштабной институционализированной кампании по дискредитации отдельных пастырских и педагогических практик. Этот этап характеризуется не только ожесточенностью риторики, но и качественным изменением методологии критики, где на смену богословскому диалогу пришла технология социальной изоляции и «сектоведческого» клеймения.

Рубежной точкой в этом процессе стало открытое письмо Евгения Мавродиева от 18 февраля 2004 года, которое фактически задавало вектор всей последующей кампании. Написанное в преддверии Рождественских чтений, оно преследовало стратегическую цель — лишить отца Анатолия легитимной площадки для представления его системы духовно-нравственного воспитания. Контекст крупнейшего церковно-общественного форума был выбран неслучайно: именно здесь формировались ключевые тренды образовательной политики Церкви, и появление «сигнала» о «неправославности» и «сектантстве» Гармаева должно было создать вокруг его фигуры зону отчуждения.

Обвинения, выдвинутые Мавродиевым, апеллировали к жестким дисциплинарным мерам и системе наказаний в училище Гармаева, однако за внешней заботой о детях скрывалась глубинная попытка дезавуировать саму возможность существования оригинальной аскетической школы, не укладывающейся в жесткие рамки господствовавшего тогда антисектантского дискурса. Особый аналитический интерес представляет личность самого автора письма. Евгений Мавродиев, будучи кандидатом биологических наук, выступает здесь в роли эксперта по вопросам православной аскетики и педагогики, что порождает глубокий гносеологический парадокс.

Мы наблюдаем ситуацию, когда представитель естественнонаучной парадигмы берется судить о тончайших движениях человеческой души и методах духовного руководства. Обвинение в «оккультизме» здесь выглядит как защитная реакция рационального сознания перед лицом сложности духовной жизни, которую невозможно препарировать методами биологии. Используя ярлыки без проникновения в суть педагогической системы, Мавродиев и его единомышленники создавали упрощенный, демонизированный образ оппонента, который было легко атаковать с трибун сектоведческих конференций. В октябре 2005 года вышел специальный сборник Молодежного отдела Смоленской епархии под заглавием «Учение священника Анатолия Гармаева: педагогическое нововведение, ошибка или заблуждение?».

Издание, выпущенное как приложение к официальной газете «Смоленск Православный», представляло собой не просто богословскую дискуссию, а полноценное идеологическое досье, призванное легитимизировать исключение Гармаева из круга «рукопожатных» авторов. Сборник открывался предисловием авторитетного иерарха — архиепископа Костромского и Галичского Александра, что сразу задавало тон беспрекословного осуждения и выводило критику на уровень официальной церковной позиции, несмотря на отсутствие синодальных определений по данному вопросу. В авангарде этой кампании выступили медийно узнаваемые и влиятельные пастыри, чье мнение для консервативной части паства обладало весом непререкаемой истины.

Протоиерей Дмитрий Смирнов в своих выступлениях и статьях, включенных в сборник, использовал риторику жесткого эмоционального отстранения. Он характеризовал труды Гармаева как «оккультную чушь», от которой веет «могильным холодом», сознательно десакрализируя образ священника-педагога. Смирнов подчеркивал, что его попытки «вразумить» Гармаева на протяжении двадцати лет не увенчались успехом, тем самым конструируя образ закоренелого заблуждающегося, который сознательно уклонился от «столбовой дороги русского православия».

Эта личная атака дополнялась аргументацией протоиерея Алексия Уминского, который сосредоточился на анализе «новой педагогики» как системы, подменяющей подлинную духовную жизнь психологическим манипулированием, опасным для неокрепшего сознания молодежи. Богословская и сектоведческая составляющая кампании была детально проработана диаконом Михаилом Першиным, чей анализ

книги «Психопатический круг в семье» стал фундаментом для обвинений в ереси. Першин ввел в полемику термины, бьющие по самым чувствительным точкам православного самосознания: он усмотрел в учении Гармаева «тень манихейства» и гностицизма.

К критике были привлечены и профессиональные кадры, призванные разрушить научный авторитет Гармаева. Православный психолог Лариса Шеховцова и Евгений Мавродиев подвергли детальному разбору терминологический аппарат «нравственной психологии». Шеховцова акцентировала внимание на дискредитации разума в системе Гармаева и персонификации эмоций, что, по ее мнению, вело к формированию у последователей тяжелых фобий и чувства вины, особенно у матерей, объявленных главными виновниками «психопатических кругов» своих детей.

Эта линия аргументации была крайне эффективной, так как она апеллировала к чувству ответственности родителей, трансформируя доверие к Гармаеву в страх перед его «окультистскими методами». Иерей Святослав Худовеков дополнил общую картину критикой «энергетизма» Гармаева, утверждая, что тот подменяет православную аскетику сомнительными экстрасенсорными практиками «слушания» и управления некими «душевыми силами». Таким образом, усилиями группы авторов создавался многомерный образ врага: Гармаев предстал одновременно как еретик-манихей, опасный оккультист, псевдочеловек и авторитарный лидер, использующий сектантские методы подавления личности.

Анализ церковно-общественных процессов начала 2000-х годов позволяет с высокой степенью достоверности утверждать, что Первые Иринеевские чтения 2003 года и издание сборника «Учение священника Анатолия Гармаева: педагогическая новация, ошибка или заблуждение?» в 2005 году представляют собой не случайное совпадение интересов разных групп, а единую, структурно оформленную и хронологически выверенную кампанию. Взаимосвязь этих двух событий прослеживается на уровне стратегического планирования, кадрового состава участников и последовательной трансформации критического дискурса из полемической формы в административно-канонический вердикт.

Персональное единство двух событий подтверждается идентичностью состава ключевых действующих лиц. Основной костяк докладчиков Иринеевских чтений

2003 года полностью совпадает с авторским коллективом смоленского сборника 2005 года. Диакон Михаил Першин, представивший в 2003 году фундаментальный критический анализ книги «Психопатический круг в семье», стал ведущим автором и в печатном издании. Протоиереи Алексей Уминский и Дмитрий Смирнов, чьи выступления на чтениях сформировали этическую и пастырскую претензию к «новой педагогике» Гармаева, не просто поддержали издание сборника, но и предоставили свои тексты для его наполнения.

Более того, доклад Дмитрия Смирнова на чтениях был инкорпорирован в сборник практически без изменений, что прямо свидетельствует о прямой преемственности контента. Эволюция процесса демонстрирует классический переход от устной полемики к печатному вердикту, обладающему иным статусом легитимности. Если Чтения 2003 года носили характер «чрезвычайного собрания» и оперативного реагирования на «тревожные сигналы», то издание 2005 года, осуществленное под эгидой Молодежного отдела Смоленской епархии, стало актом документальной фиксации обвинения.

Публикация сборника в качестве приложения к епархиальной газете превратила критику группы экспертов в официальную позицию, растиражированную и доступную для широкого церковного пользования. Таким образом, устные тезисы участников Чтений обрели форму законченного церковно-административного продукта, закрепляющего статус учения Гармаева как опасного заблуждения. В конечном итоге, единство стратега в лице Александра Дворкина, неизменность круга спикеров-авторов и логическая завершенность перехода от дискуссии к печатному вердикту доказывают, что события 2003 и 2005 годов были этапами спланированной информационной и дисциплинарной акции. Это не была инициатива отдельных епархий или разрозненных групп священства; перед нами — целостный механизм системного вытеснения конкретной педагогической школы из церковного пространства.

Переломным моментом, свидетельствующим о переходе кампании в стадию окончательной зачистки информационного поля, стал 2006 год. К этому времени полемика вышла за рамки епархиальных сборников и переместилась в сферу анонимного давления. Появление брошюры «Опасный круговой танец» (часто идентифицируемой в источниках как «Небезобидный хоровод») ознаменовало новый этап борьбы. Анонимный характер издания позволял авторам использовать более

резкие и безапелляционные суждения, не ограничиваясь рамками академической или пастырской этики.

Брошюра аккумулировала все накопленные обвинения — от искажения догмата о Троице до обвинений в синкретизме христианства с шаманизмом — и представляла деятельность Гармаева как «заикленный ритуал» заблуждения, из которого нет выхода в рамках его системы. Это издание стало мощным инструментом психологического давления на книгораспространителей и настоятелей храмов, вынуждая их изымать книги Гармаева из продажи под угрозой обвинений в пособничестве «сектантству».

Механизм травли был выстроен безупречно: сначала экспертное осуждение на специализированных чтениях, затем закрепление этого осуждения через авторитетный епархиальный сборник с участием медийных лиц, и, наконец, «добивание» анонимными брошюрами, создающими атмосферу нетерпимости. Использование печатных органов епархии и статуса известных московских протоиереев позволило дискриминировать Гармаева без формального судебного запрета со стороны Священного Синода. Для широкой церковной общественности был создан консенсус: Гармаев — это «опасно», «неправославно» и «сектантски». В результате такой организованной кампании педагогическая практика, собиравшая тысячи последователей, была вытеснена на периферию церковной жизни, а сам священник превращен в фигуру, чье упоминание в положительном ключе стало невозможным в официальном дискурсе.

Невозможно игнорировать тот факт, что кампания против Анатолия Гармаева стала своего рода полигоном для отработки технологий «внутренней инквизиции». Использование светских ученых, таких как Мавродиев, для легитимации внутрицерковных чисток позволяло придать процессу видимость объективности и научной обоснованности. Однако под маской заботы о «безопасности детей» и «чистоте догматов» скрывалось нежелание вступать в содержательный диалог по существу поднятых Гармаевым проблем — вопросов семейной этики, воспитания воли и преодоления эгоцентризма. Вместо обсуждения актуальных вызовов педагогики, оппоненты предпочли путь создания токсичного мифа, кульминацией которого и стал «Небезобидный хоровод».

Травля Гармаева в эти годы оставила глубокий след в истории современной церковной мысли, зафиксировав победу охранительного формализма над живым опытом пастырского поиска, и до сих пор служит важным уроком того, как агрессивная некомпетентность, вооруженная статусом «защитницы веры», способна разрушить многолетние созидательные труды. История критики Гармаева — это не просто история одного священника, это история того, как в постсоветской России вырабатывались механизмы контроля над духовной жизнью и как рождался язык подозрения, определивший внутреннюю политику Церкви на десятилетия вперед.

В современной церковной жизни страны разворачивается процесс, который историки будущего, вероятно, назовут «внутренней инквизицией» или системной стерилизацией живой веры. Сегодня ярлык «сектант» внутри Русской Православной Церкви используется не для защиты догматической чистоты, а как эффективное средство административной расправы над наиболее яркими, деятельными и независимыми пастырями. В этой атмосфере критерием православия становится не верность Христу, а лояльность бюрократической вертикали и готовность беспрекословно следовать за самопровозглашенными «сектоведами», приватизировавшими право определять границы духовной нормы. Одним из наиболее характерных и болезненных примеров такой деятельности стала судьба протоиерея Анатолия Гармаева.

Трагедия отца Анатолия заключается в том, что его глубокая работа по воспитанию личности была объявлена деструктивной практикой лишь потому, что она выходила за рамки привычного обрядоверия и требовала от человека подлинной внутренней трансформации, а не простого исполнения формальных правил. Не менее показательна многолетняя кампания против священника Георгия Кочеткова и созданного им Преображенского братства. Здесь антикультизм проявил себя во всей полноте как инструмент борьбы с «горизонтальными» церковными связями. Преображенское братство представляет собой уникальный пример жизнеспособной общины, где миряне вовлечены в осознанную церковную жизнь, катехизацию и миссионерство. Для идеологов антисектантства само существование сплоченной группы людей, объединенных не только иерархическим подчинением, но и личной ответственностью за Церковь, является подозрительным.

Кочеткову приписывали «эклесиологическую ересь» и «младостарчество», хотя реальной причиной давления была боязнь духовной свободы и независимости,

которую дарует подлинное общинное устройство. Разрушение таких общин через информационные вбросы и административные запреты наносит непоправимый урон будущему Церкви, лишая ее наиболее живых и ответственных членов. В наше время этот же репрессивный механизм был обкатан на примере протоиерея Владимира Головина. Его популярность в цифровом пространстве и практика «молитвы по соглашению» вызвали стремительную и агрессивную реакцию антикультистов. Несмотря на то что Головин не выходил за рамки православного вероучения в его фундаментальных основах, его пастырский стиль и способность находить общий язык с миллионами людей были интерпретированы как создание «параллельной церковной структуры».

Случай Головина показал, что современный антикультизм не нуждается в серьезных богословских аргументах; достаточно медийного очернения и использования манипулятивных терминов, чтобы за считанные месяцы превратить уважаемого пастыря в «изгоя» и лишить его сана. Это свидетельствует о переходе антисектантской борьбы в стадию чистого политического сыска внутри религиозной организации. Центральной фигурой и главным идеологом этого процесса на протяжении десятилетий был и остается Александр Дворкин. Именно он ввел в российский дискурс глубоко спорный с научной точки зрения термин «тоталитарная секта», который стал универсальной дубиной для расправы с любыми оппонентами.

Характеристика Дворкина как эксперта вызывает множество вопросов не только у религиоведов, но и у профессиональных психиатров. Биография этого человека полна противоречий, начиная с его американского периода жизни, работы на радиостанциях, тесно связанных с западными спецслужбами, и заканчивая неоднократными свидетельствами о его нестабильном психическом состоянии. Оппоненты Дворкина часто указывают на документы, свидетельствующие о его лечении в психиатрических клиниках с диагнозами, которые, казалось бы, должны исключать возможность выступать в роли главного арбитра духовного здоровья нации. Однако именно эта фанатичная убежденность в собственной правоте и склонность видеть заговоры и секты в любом проявлении инициативы позволили Дворкину превратить силовые и административные структуры в идеальные инструмент реализации антикультовых идей.

Механизм подавления, выстроенный при активном участии Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС), представляет собой сложную связку, в

которой задействованы церковные структуры, правоохранительные органы, включая ФСБ, и лояльные СМИ. Схема работает практически безотказно: сначала в адрес священника или общины выдвигаются огульные обвинения в «сектантстве», которые тиражируются через антикультистские ресурсы. Затем эти публикации используются как повод для «религиоведческих экспертиз», написанных самими же членами РАЦИРС или аффилированными лицами. На следующем этапе подключается административный ресурс РПЦ, который под давлением «экспертных мнений» и, зачастую, кураторов из силовых ведомств выносит канонические прещения. Итогом становится разрушение общины, изгнание пастыря и запугивание верующих. Эта связка превращает церковный суд в декорацию, где решение принимается на основе доносов и манипуляций, а не евангельской правды.

Идеологический подтекст современного антикультизма гораздо глубже, чем просто борьба за власть или влияние. В своей основе это движение преследует цели тотального контроля над сознанием верующих. Под маской защиты Православия антикультисты выстраивают систему, в которой личный поиск Бога и искреннее духовное делание подменяются жесткой идеологической муштрой. Им не нужен мир в душе человека или мир в Церкви; им необходимо состояние постоянного конфликта и поиска врагов, так, как только в атмосфере страха и подозрительности их услуги становятся востребованными. Подлинная духовная свобода, к которой призывает Христос, для антикультизма является главной угрозой, так как свободным человеком невозможно манипулировать, его нельзя заставить ненавидеть ближнего по указке «сектоведа».

Антикультизм фактически пытается изменить православие, вынимая из него сердце — любовь и свободу — и оставляя лишь жесткий панцирь внешней формы и доноса. Последствия этой разрушительной деятельности для будущего Церкви и общества могут быть катастрофическими. Подавление инициативных пастырей и разрушение живых общин ведет к интеллектуальной и духовной деградации церковного организма. Церковь превращается в безликий комбинат ритуальных услуг, лишенный пророческого голоса и способности отвечать на вызовы времени. Молодые и ищущие люди, видя инквизиторские методы расправы с лучшими священниками, уходят из Церкви, не желая иметь ничего общего с системой, построенной на лжи и насилии над совестью. В долгосрочной перспективе антикультизм работает на саморазрушение традиционных институтов, так как он

убивает ту самую веру, которую якобы защищает. Когда вместо Христа в центре церковной жизни оказывается «сектовед» с его подозрительностью и диагнозами, религия перестает быть путем к Богу и становится инструментом социального контроля, обреченным на внутреннее гниение и окончательный крах.

Глава 4. Последние годы отца Анатолия: смерть, наследие, открытые вопросы и живые отклики

Закат земного пути протоиерея Анатолия Гармаева не был тихим угасанием. Скорее, он напоминал финал сложной симфонии, где возвышенные духовные темы переплетались с резкими, диссонирующими нотами общественного противостояния. Последнее десятилетие его жизни в православном поселении «Отрада» стало временем окончательного оформления его системы — «нравственной психологии» — и одновременно периодом, когда внешнее давление на созданную им общину достигло своего пика. Это было время, когда границы между частным духовным поиском и публичным скандалом оказались размыты, а имя священника стало знаменем для одних и мишенью для других. Этот сложный период продемонстрировал парадоксальную жизнестойкость школы Святого Сергия.

Вопреки настойчивым попыткам дискредитации со стороны антикультистского центра, возглавляемого Дворкиным, школа не только не закрылась, но и трансформировалась в живой образовательный организм. Пока критики анализировали цитаты на предмет «окультных парадигм», сотни людей продолжали находить в методиках Гармаева ответы на те вопросы семейной и внутренней жизни, которые зачастую оставались без внимания в рамках стандартной катехизации. Приток новых учеников стал самым убедительным, хоть и негласным, ответом на обвинения. Школа существовала в режиме «тихого сопротивления», где мерилом истины выступал не административный ресурс, а реальная динамика человеческих судеб. За эти годы из стен училища вышли десятки священнослужителей, монашествующих и активных мирян, что само по себе подрывало тезис о «сектантской замкнутости» общины.

Новый виток публичного давления пришелся на 2013 год, когда в эфире православного телеканала «Союз» вновь прозвучали резкие оценки со стороны постоянного гостя программы «Беседы со священником» Дмитрия Смирнова. В медийном пространстве того периода термины «оккультизм» и «ересь» стали использоваться как универсальные маркеры. Эфир «Союза» транслировал упрощенную картину мира, где сложность человеческой души и тонкость психологической работы приносились в жертву удобным, пугающим обывателя определениям, игнорируя реальный контекст деятельности человека. Однако центральный конфликт этой истории кроется в поразительной полярности восприятия. С одной стороны — залы заседаний, трибуны конференций и телестудии, где чеканились обвинения в сектантстве. С другой — живой поток благодарности от реальных людей, учеников и читателей, чьи семьи были спасены от распада, а души — от отчаяния. В этом столкновении двух миров — холодного административного надзора и горячего личного духовного опыта — проявилась глубинная драма церковной жизни начала XXI века.

Личный опыт верующих, ощутивших на себе плоды «нравственной психологии» Гармаева, оказывался намного весомее официальных циркуляров. Ученики видели в отце Анатолии не «лидера культа», а талантливого наставника, способного говорить о Христе на языке, понятном современному израненному человеку. Эта дистанция между медийным образом «опасного сектаната» и реальностью священника-просветителя создала уникальную ситуацию, в которой гонения лишь подтверждали подлинность и значимость его труда.

В ретроспективе десятилетних испытаний становится очевидным, что настоящая проверка любой духовной инициативы на подлинность осуществляется не на заседаниях экспертных советов, а в пространстве времени. Плоды просветительской работы школы Святого Сергия — это не только изданные книги, но и преображенные человеческие жизни, которые оказались сильнее любых идеологических ярлыков. Гонения, длившиеся годы, не смогли разрушить то, что имело под собой глубокий фундамент любви и пастырского попечения, оставив критикам лишь архивы телеэфиров, в то время как школа оставила после себя живую традицию воспитания человеческого сердца.

Одним из самых тяжелых испытаний, омрачивших поздние годы служения отца Анатолия, стала история, начавшаяся в 2012 году. Смерть молодого человека, Георгия

Старовёрова, проживавшего в общине «Отрада», превратилась в незаживающую рану, которая спустя годы была вскрыта общественной дискуссией. Для матери Георгия, Натальи Захаровой, эта потеря стала не просто личным горем, но началом многолетней борьбы за то, что она называла справедливостью. Ее риторика была пронизана отчаянием: она публично заявляла о том, что ее сын попал в деструктивную среду, где воля человека подавлялась, а сама община жила по законам, далеким от канонического православия. В ее словах звучали обвинения в использовании психотропных препаратов и создании системы фактического рабства.

Следственные органы Волгоградской области неоднократно и детально изучали обстоятельства смерти Георгия. Проводились экспертизы, рассматривались различные версии, включая самые пугающие предположения о насильственном характере гибели. Однако буква закона оказалась непоколебима перед лицом эмоционального накала. Официальные выводы следствия раз за разом подтверждали отсутствие состава преступления. Было установлено, что смерть Старовёрова наступила по естественным причинам, не связанным с внешним воздействием или криминальным умыслом. Многочисленные отказы в возбуждении уголовного дела опирались на медицинские факты, которые не подтверждали ни избиений, ни наличия ножевых ранений, о которых в порыве боли упоминала мать. Тем не менее, в глазах Натальи Захаровой эти выводы выглядели лишь формальностью, не способной объяснить, почему ее сын, полный сил, ушел из жизни столь скоропостижно.

Этот трагический инцидент не остался за закрытыми дверями следственных кабинетов. Он был подхвачен антикультистским движением, и в первую очередь Центром религиоведческих исследований во имя священномученика Ириния Лионского. Именно здесь частная драма одной семьи была трансформирована в резонансный кейс, иллюстрирующий концепцию «внутрицерковного сектантства». Смерть Георгия стала для критиков Гармаева тем самым веским аргументом, который позволял перевести теоретические разногласия о его антропологии в плоскость общественной безопасности. Антикультистская риторика создала вокруг «Отрады» ореол опасного места, где за фасадом благочестия скрываются трагедии.

История Старовёрова в изложении оппонентов отца Анатолия превратилась в метафору губительного воздействия его учения на неокрепшие души. Эта информационная кампания нанесла серьезный удар по репутации священника,

вынуждая его и его последователей постоянно оправдываться, защищая саму возможность существования своего уклада жизни.

Земная жизнь протоиерея Анатолия Гармаева оборвалась скоропостижно 17 марта 2021 года. Смерть на 73-м году застала его в разгаре трудов. Причиной кончины стала ишемическая кардиомиопатия — сердце, долгие годы работавшее на износ под грузом ответственности за общину и под давлением постоянной критики, не выдержало. В официальном некрологе Волгоградская епархия отметила его заслуги в деле церковного строительства и педагогики, однако в соболезнованиях митрополита Феодора прозвучала тонкая, но заметная нота признания сложности его натуры. Было сказано, что отец Анатолий видел духовную жизнь по-своему, и его методы не всегда и не всеми одобрялись. Это признание «инаковости» внутри церковной ограды стало лучшей характеристикой его места в современной истории православия.

После кончины отца Анатолия споры вокруг его фигуры не утихли, а приобрели характер борьбы за историческую память. Александр Дворкин и представители антисектантских центров продолжили деконструкцию его образа, утверждая, что созданная им система была далека от православия. Для них Гармаев остался человеком, который «начал неплохо, но кончил созданием собственной секты». Попытки его оппонентов разоблачить его учение как «оккультную чушь» были направлены на то, чтобы предотвратить дальнейшее распространение его идей после его смерти.

Образ Гармаева пытались упростить до схемы «лжестарца», игнорируя сложность его интеллектуального поиска и реальный пастырский опыт. Оценка его наследия навсегда останется заложницей системы координат наблюдателя. Для одних он останется великим педагогом и врачевателем душ, создавшим уникальное пространство христианской жизни в условиях современного мира. Для других — создателем спорной системы, балансировавшей на грани канонического права и личного обаяния. Однако факты остаются неизменными. Его судьба напоминала спираль, где каждый виток открывал новую грань служения жизни.

Анатолий Гармаев закончил земной путь в сани, в мире с Церковью, оставив после себя не только полки написанных им книг, но и живую реальность — поселение, храм, училище и тысячи благодарных людей, чья жизнь была изменена его словом. Он был

человеком масштаба, выходявшего за рамки привычных шаблонов, и именно этот масштаб вызывал столь полярные реакции. Начавшись в бескрайних просторах Бурятии этот путь завершился в тишине православных храмов и в аудиториях, где взрослые люди вновь учились быть детьми — не в смысле инфантильности, но в смысле открытости миру.

Жизнь протоиерея Анатолия Гармаева невозможно измерить привычными категориями биографической справки, поскольку она представляла собой непрерывный и крайне смелый эксперимент по изучению человеческой души. Он был человеком действия. Его путь завершен, но вопросы, которые он ставил перед собой и перед обществом, остаются открытыми, продолжая жить в созданной им общине и в спорах, которые еще долго будут сопровождать его имя.

Скоропостижная кончина Анатолия Гармаева оставила огромную пустоту, но его метод — метод «практики и наблюдения» — продолжает жить. Он остался в памяти современников как биолог духа, который знал, что даже в самой зачерствелой душе живет росток, способный пробиться к свету, если за ним правильно и с любовью ухаживать. Это была жизнь человека, который всю мощь своего интеллекта и тепло сердца отдал людям.

Из отзывов на книги Анатолия Гармаева, взятых с просторов интернета

Здравствуйте, пишет Вам Варвара (41 год) с Сахалина. У нас тут, в Южно-Сахалинске, в церкви я купила книгу священника Анатолия Гармаева «Культура семейных отношений». Это очень нужная, интересная, увлекательная книга, которая заставляет задуматься и появляется огромное желание ЖИТЬ и ЖИТЬ. Я очень хочу подарить эту книгу моим друзьям, но к сожалению, ее нет в продаже [...]с уважением, Варвара

«Вопросы, поставленные и раскрытые в книгах свящ. Анатолия Гармаева, встречаются повсеместно, на каждом шагу. Поэтому эти книги полезны, – они актуальны. Только через их прочтение узнал, сколько наделал ошибок в жизни по незнанию». — А. И. Галимов, 44 года, водитель, г. Красноярск.

«Мне понравилось то, как раскрываются особенности воспитания каждого возраста и подход к воспитанию нравственности в книгах «Этапы нравственного ребенка», «Тихий разговор с совестью». Глубокое понимание возрастных особенностей детей.

Мы с учителями используем материал книг для проведения родительских собраний».
— И. Ю. Кокош, 52 года, учитель начальных классов, г. Кунгур.

[...]Благодарю Вас за присланные книги и статьи. Ознакомился с ними и передаю в библиотеку нашей Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской Православной Духовной семинарии. Конечно, я не смог подробно изучить все книги протоиерея Анатолия Гармаева, но тот материал, с которым я смог познакомиться, не дал мне повода заподозрить что-либо еретическое или сектантское в его трудах. Не знаком я и с критикой в адрес о. Анатолия со стороны А. С. Дворкина. Но мне представляется, прав Высокопреосвященнейший митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, который указывает на то, что критиковать всегда легче, чем бороться с собственными недостатками и страстями. Сам Господь в притчах учил своих учеников и окружающий народ и говорил: «Что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Лк. 6,41-42). И мне приходится встречаться иногда с таким же видом критики. Но, претерпевый до конца, спасется. [...]

Московский Патриархат, Управляющий Иваново – Вознесенской и Кинешемской Епархией. 2006 год

Спасибо, батюшка, что Вы есть, спасибо за Ваши книги, проповеди. Очень глубоко, очень проникновенно, отрезвляюще. Лидия.

Прочитала "психопатический круг..." несколько лет назад. И эта книга очень помогла мне в продвижении к решению моих внутренних личных проблем. А потом я тоже долго ее искала в магазинах и совершенно без толку! Спасибо огромное за возможность скачать книги Гармаева здесь! Вероника.

Жизненно важные книги, которые должны быть в каждом доме!!! Иулия.

Я знаком с Гармаевым, проходил "большой цикл". Оцениваю его очень высоко, выше всех западных психоаналитиков. К тому же истинно православного. Возмущен нападками на него современных "книжников и фарисеев". Вот кого надо приглашать на православное ТВ. В его методе (сугубо добровольном) — спасение православия и России. Соротокин ММ.

Отзыв о семинаре Анатолия Гармаева. Ольга, г. Москва. 20.06.06

«Опишу еще одно действие, которое было на семинаре и многим участникам помогло быть более осмотрительными в своих суждениях. Гармаев читал два или три раза небольшой текст из послания апостола. Затем нам предлагалось написать изложение, т.е, как можно ближе к тексту восстановить услышанное. Листочки с изложением сдавались ведущему семинара, а на следующий день мы слушали разбор ошибок. Было удивительно слушать, как наше мирское сознание на свой лад переделывало слова апостола, вкладывая в них свои смыслы. При этом, по себе переделанные слова приписывались апостолу, чтобы авторитетом апостола себя утвердить. Если бы не разбор ошибок, большинство из нас так бы и пошло в жизнь, утверждая себя. Это занятие очень отрезвляло. Правда, были люди, которые обиделись за свои ошибки. Уязвилось самолюбие. Хотя имена писавших не объявлялись. Более того, можно было не подписывать листочки, а поставить условный знак. Теперь, читая злобный пасквиль в Интернете о семинаре, я еще раз с горечью убеждаюсь, как далеко может заходить человеческая злоба и как глубоко должно быть человеческое повреждение, чтобы так неистово выворачивать наооборот доброе дело. Написанное в Интернете о семинаре отца Анатолия – это агония бешенства. В крайне больном состоянии духа человек, потеряв всякие ориентиры, изворачивается в фантазии с единственной целью – оболгать как можно хлеще. В итоге, взбесившимся умом, по-другому точнее не скажешь, создает образ, которого в жизни просто не может быть. При этом, в том, что пишет, сам себе не отдает отчета. Оболгать, облить грязью, а там пусть разбираются. Одного он не может понять – тут и

разбираться-то не в чем. Если различить дух, которым вся такая критика написана, а она об отце Анатолии почти вся такая, тогда и в содержании ее выделять правду от неправды – неблагодарная задача. Правильнее будет обратиться к материалам, написанным в ином, добром духе. К ним не примешаны человеческая зависть, профессиональные амбиции или оголтелая потребность защищать мирские ценности. За ними не подвязывается дух злобы. Свойство доброго духа – держаться и образа доброго, держаться содержания, в котором есть созидание. Слава Богу, такого содержания сейчас написано об отце Анатолии уже немало. Есть и видеофильмы – куда более наглядно. К слову добавлю: видеофильмы – это настоящее откровение. Их только нужно смотреть всерьез, отложив на время просмотра все дела. Некоторые фильмы нужно смотреть два-три раза. Первый просмотр дает впечатление, во втором чуть начинает приоткрываться содержание и уже в третьем начинаешь слышать замысел фильма в его глубине и ёмкости. Образ церковной жизни, богатство и не вмещаемая глубина поражают. Так было у меня, так было и у моих знакомых. Видимо, очень продуктивна, церковно оправдана и действительно спасительна для людей вся деятельность отца Анатолия, если с такой вселенской ненавистью обрушивается враг на него, пробуждая в людях и используя в них самые низменные чувства и корыстные притязания. В одних, чтобы оболгать, через других – чтобы смутить, в-третьих, чтобы они включились в мифотворчество слухов. Теперь, видимо, нужно время, чтобы люди, вольно или невольно захваченные этой смутой, разобрались, не столько, может быть, в отце Анатолии, сколько в себе. Очистились от собственных притязаний, из-за которых и бывает подобная смута, воцерковились, во Христе пришли в единство, научились различать ценности не просто религиозной жизни, но жизни церковной. Всё это не только примирит их с отцом Анатолием, но и обратит их в единоедушное созидание вместе с ним того церковного дела, над которым он трудится уже больше двадцати лет.»

Из размышлений епископа Игната, в то время епископа Петропавловского и Камчатского:

«После семи дней, проведенных на Августовском Соборе, погружения в общинную жизнь школы Святого Сергия и участия в интенсивной, глубоко церковной работе, предложенной отцом Анатолием, я вновь ощутил духовное состояние «внутреннего человека», которое я так глубоко переживал до своего епископского служения. Мне

напомнили о необходимости возвращать эту внутреннюю жизнь. Я почувствовал обновленное чувство ответственности за духовное воспитание нашей молодежи. Господь углубил связь между моим сердцем и Собой, и я заново понял, что значит действовать в истине. Господь слегка приподнял завесу над тем, каким должно быть служение епископа в Церкви. Здесь, в «Православной Отраде», есть уникальная возможность лично ощутить глубину, полноту и содержание общинной церковной жизни».

Источники

1. adam_a_nt. (2011, 3 сентября). Поселение «Отрада» [Пост в блоге]. LiveJournal.
<https://adam-a-nt.livejournal.com/575600.html>
2. Ciota.ru. (2005–2006). Про священника Анатолия Гармаева [Форум].
<https://www.ciota.ru/forum/view.php?subj=45036&fullview=1&order=>
3. LitRes. Гармаев, Анатолий — книги автора.
4. Koob.ru. Книги и отзывы читателей о книгах Анатолия Гармаева.
5. tvsoyuz. (2014, 30 марта). О священнике Анатолии Гармаеве [Видео]. YouTube.
<https://www.youtube.com/watch?v=5CPFl2x9vAE>
6. V1.ru. (2021, 17 марта). В Волгограде найден мертвым протоиерей Анатолий Гармаев.
<https://v1.ru/text/incidents/2021/03/17/69817511/>
7. VK.com. (2021, 29 марта). Светлой памяти протоиерея Анатолия Гармаева [Пост]. https://vk.com/@uklad_otrada-svetloi-pamyati-prot-anatoliya-garmaeva
8. 2ГИС. Отрада, православное поселение (Волгоград) [Карточка организации].
<https://2gis.ru/volgograd/firm/70000001089342906>
9. АиФ Волгоград. (2023, 29 апреля). Островок веры. Чем живет православное поселение «Отрада» под Волгоградом.
https://vlg.aif.ru/society/religion/ostrovok_very_chem_zhivetpravoslavnoe_poselenie_otrada_pod_volgogradom
10. АиФ Волгоград. (2023, 29 октября). Островок веры. Чем живет православное поселение «Отрада». Дзен. <https://dzen.ru/a/ZEzai80Q3zS9BiBR>
11. Гармаев, А. Некоторые ответы на обвинения участников I-х Иринеевских чтений. ЦЕНТР ХРИСТИАНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ Санкт-Петербурга. <https://хпа-spb.ru/libr/Garmaev/nekotorye.html>

12. Гармаев, А. (2002). Психопатический круг в семье. (Собранное из работ «Обрести себя» и «Психопатический круг»). Издательство «Лучи Софии». ISBN 985-6171-49-0
13. Гармаев, А. (2019). Этапы нравственного развития. Ridero. ISBN 978-5-4496-5171-6
14. Гармаев, А. Этапы нравственного развития [Электронная версия книги, отзывы читателей]. LibKing.
15. Гармаев, А. Пути и ошибки новоначальных. Mir-knigi.info.
16. Епархия Донецк. Педагогическое учение протоиерея Анатолия Гармаева: голос Церкви или соблазн для доверчивых.
<https://eparhiadonetsk.ru/stati/pobediteli-konkursa-v-nachale-bylo-sl/pedagogicheskoe-uchenie-protoiereja-an>
17. Информационно-консультационный центр Св. Ирины Лионского. Учение и практика священника Анатолия Гармаева.
<https://iriney.ru/iskazhenie-pravoslaviya-i-okolopravoslavnyie-sektyi/uchenie-i-praktika-svyashhennika-anatoliya-garmaeva/>
18. Крестьяне 34. (2014, 11 июня). По жизни с Богом. <https://krestyane34.ru/po-zhizni-s-bogom.html>
19. Мелодическая интенсивность. (2023, 27 октября). Православное поселение Отрада г. Волгоград [Видео]. RUTUBE.
<https://rutube.ru/video/21fb838b53140b39822a98120f234ca7/>
20. МОУ СШ №113 Красноармейского района Волгограда. (2025, 8 октября). Дорога к духовности: школьники посетили православное поселение Отрада.
<https://sosh-113-volgograd.nubex.ru/news/43602.html>
21. Отрада Православная. Официальный сайт православного поселения «Отрада».
<https://otradavolga.ru/>

22. Отрада православная. (2020, 21 июня). Отзывы слушателей проповедей прот. Анатолия Гармаева [Видео]. YouTube.
<https://www.youtube.com/watch?v=9iH88DZa4vk>
23. Отрада Православная. Официальная группа православного поселения «Отрада» [Сообщество ВКонтакте]. VK. <https://vk.com/otradapравoslavnaaya>
24. Правмир. (2012, 26 ноября). Священник Константин Кобелев. Исповедь тюремного священника. Самое страшное — отворотить другого от Бога. Pravmir.ru. <https://www.pravmir.ru/svyashhennik-konstantin-kobelev-samoe-strashnoe-otvratit-drugogo-ot-boga/>
25. Православная Камчатка. (2018, 11 сентября). Путь молодого пастыря. <https://pravkamchatka.ru/put-molodogo-pastyrya/>
26. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Протоиерей Глеб Каледа: Воспоминания. <https://pstgu.ru/30let/stranitsy-pamyati/osnovateli/protoierey-bleb-kaleda/vospominaniya/>
27. Приход Святой и Живоначальной Троицы г. Дортмунда. Русская Православная Церковь Берлинско-Германской епархии Московского Патриархата. (2021, 23 марта). Скончался протоиерей Анатолий Гармаев. <https://nadegda.de/material/prihodskie-novosti/skonchalsja-protoiorej-anatolij-garmaev/>
28. Першин, М. (2004, 9 февраля). Феномен Гармаева. Информационно-консультационный центр Св. Иринея Лионского. <https://iriney.ru/iskazhenie-pravoslaviya-i-okolopravoslavnyie-sektyi/uchenie-i-praktika-svyashhennika-anatoliya-garmaeva/fenomen-garmaeva.html>
29. Психологос. (2022, 1 октября). Гармаев, Анатолий Цыденович. <https://psychologos.ru/articles/view/garmaevzpt-anatolij-cydenovich>

30. РУВИКИ. Каледа, Глеб Александрович [Справочная статья].
https://ru.ruwiki.ru/wiki/Каледа,_Глеб_Александрович
31. Русская Православная Церковь, Волгоградская митрополия, Волгоградская епархия, Бекетовское благочиние, Храм великомученицы Параскевы. (2021, 17 марта). Печальная весть: умер о. Анатолий Гармаев.
<https://paraskeva-vlg.ru/news/pechalnaya-vest-umer-o-anatolij-garmaev.html>
32. Санкт-Петербургская духовная академия. (2013, 3 апреля). Александр Дворкин: Любить сектанта и ненавидеть секту.
<https://spbda.ru/publications/aleksandr-dvorkin-lyubit-sektanta-i-nenavidet-sektu/>
33. Седмица дайджест. Православные новост. за нежелю. (2003, 28 августа).
Выпуск No107, 28 августа 2003 г.
<http://www.sedmica.orthodoxy.ru/107-28-08-03.php>
34. Советские фильмы, спектакли и телепередачи. (2024, 7 июня)Экзамен на зрелость. Ребячьи комиссары. Гармаев и другие (1977). [Документальный фильм]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=6uXlsOWyoXg>
35. Союз. О книгах священника Анатолия Гармаева и книге старца Паисия Святогорца «Слова».
<https://tv-soyuz.ru/qna/o-knigah-svyaschennika-anatoliya-garmaeva-i-knige-startsa-paisiya-svyatogortsa-slova>
36. Традиционная психология: Россия. Гармаев Анатолий. Культура семейных отношений. <http://nkozlov.ru/book/165-garmaev-anatolii-kultura-semeinyh-otnoshenii.html>
37. Хрусталева, Л. (2013, 2 декабря). Тайный священник, куриные окорочка и письмо с того света. Православие.Ru. <https://pravoslavie.ru/66316.html>

38. Шеховцов, Л. Размышления православного психолога о книгах свящ. Анатолия Гармаева. ОКОЛОПРАВОСЛАВНОЕ УЧЕНИЕ АНАТОЛИЯ ГАРМАЕВА.ТОТАЛИТАРИЗМ И ДЕСПОТИЯ.
<http://malkin-lev.narod.ru/index/0-3>
39. Яндекс.Книги. Анатолий Гармаев. Этапы нравственного развития ребенка.
40. Яндекс.Карты. Православное поселение «Отрада» [Карточка организации].
https://yandex.ru/maps/org/pravoslavnoye_poseleniye_otrada/205500107027/